ВИЗИТ Л. И. БРЕЖНЕВА ВО ФРАНЦИЮ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

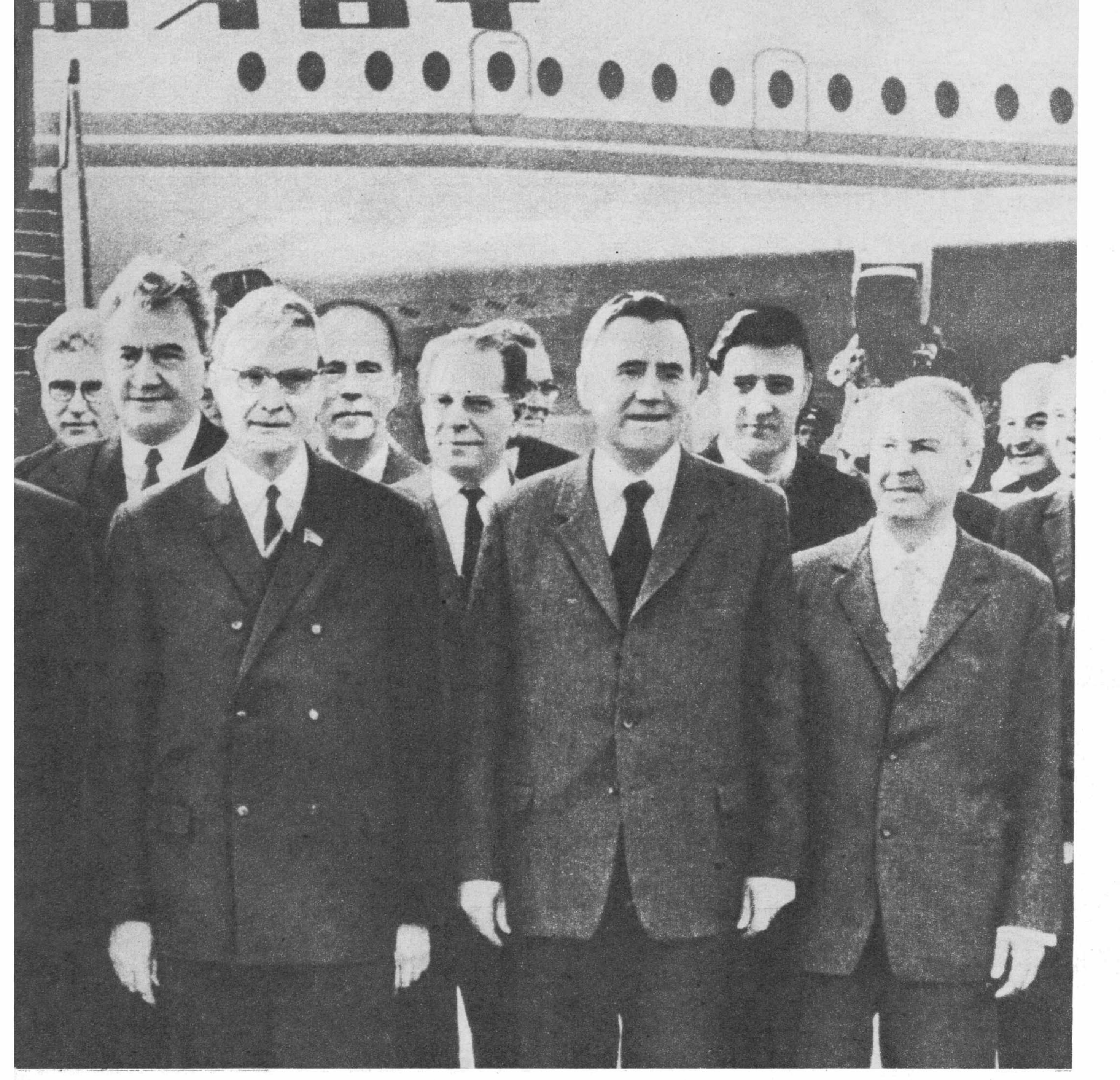
№ 28 (2401)

7 ИЮЛЯ 1973

ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС, ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР И СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР ОТМЕЧАЮТ, ЧТО ПРОВЕДЕНИЕ И УСПЕШНОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ ПЕРЕГОВОРОВ ЗАЛОЖИЛИ ХОРОШУЮ ОСНОВУ ДЛЯ НОРМАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ, ДЛЯ УКРЕПЛЕНИЯ ВЗАИМОВЫГОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ НАШИМИ ДВУМЯ СТРАНАМИ И, ОДНОВРЕМЕННО, ВНОСЯТ ВКЛАД В ДЕЛО ЗАКРЕПЛЕНИЯ РАЗРЯДКИ НАПРЯЖЕННОСТИ, УПРОЧЕНИЯ ВСЕОБЩЕГО МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ НАРОДОВ.

ЗАКЛЮЧЕННОЕ МЕЖДУ СССР И США БЕССРОЧНОЕ «СОГЛАШЕНИЕ О ПРЕДОТВРАЩЕНИИ ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ» ЯВЛЯЕТСЯ ВАЖНЫМ ШАГОМ НА ПУТИ К УМЕНЬШЕНИЮ И В КОНЕЧНОМ СЧЕТЕ К УСТРАНЕНИЮ УГРОЗЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ, К СОЗДАНИЮ СИСТЕМЫ РЕАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ. ПРАКТИЧЕСКОЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРИНЯТЫХ СОГЛАШЕНИЙ, ПОВОРОТА ОТ АТОМНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ США С СССР К КУРСУ, НАПРАВЛЕННОМУ НА НЕДОПУЩЕНИЕ ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ, НА РЕШЕНИЕ СПОРНЫХ ВОПРОСОВ ПУТЕМ ПЕРЕГОВОРОВ, БУДЕТ ИМЕТЬ ПОИСТИНЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

Из документа Политбюро ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР



Встреча на Внуковском аэродроме.

Фото А. Канашевича и А. Столяренко.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОСКВУ ТОВАРИЩА Л. И. БРЕЖНЕВА

27 июня в Москву возвратился Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев. Он находился в США по приглашению Президента Р. Никсона с официальным визитом и посетил Французскую Республику по приглашению Президента Ж. Помпиду в соответствии с установившейся между Советским Союзом и Францией практикой консультаций на высшем уровне.

Вместе с товарищем Л. И. Брежневым в Москву возвратились сопровождавшие его член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, министр внешней торговли Н. С. Патоличев, министр гражданской авиации Б. П. Бугаев, помощники Генерального секретаря ЦК КПСС Г. Э. Цуканов, А. М. Александров, А. И. Блатов, генеральный директор ТАСС Л. М. Замятин.

На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами Советского Союза, товарища Л. И. Брежнева встречали товарищи Ю. В. Андропов, А. А. Гречко, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, Д. А. Кунаев, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, П. Н. Демичев, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Д. Ф. Устинов, В. И. Долгих, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Ф. Ильяшенко, члены ЦК КПСС П. А. Абрасимов, Н. К. Байбаков, В. Э. Дымшиц, В. А. Кириллин, В. В. Кузнецов, М. А. Лесечко, В. Н. Новиков, И. Т. Новиков, З. Н. Нуриев, Г. С. Павлов, Н. М. Пегов, К. В. Русаков, Л. В. Смирнов, Н. А. Тихонов, К. У. Черненко, Н. А. Щелоков, кандидаты в члены ЦК КПСС М. П. Георгадзе, С. К. Цвигун, члены Центральной ревизионной комиссии КПСС Е. И. Кусков, Г. К. Цинев, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС В. А. Голиков и другие официальные лица.

Среди встречавших находились временный поверенный в делах США в Советском Союзе А. Дабс, временный поверенный в делах Франции в Советском Союзе А. Леклерк.

Во время беседы Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с Президентом Франции Ж. Помпиду.

ВИЗИТ Л. И. БРЕЖНЕВА ВО ФРАНЦИЮ

ХОД СОБЫТИЙ УБЕДИТЕЛЬНО ПОДТВЕРЖДАЕТ ПРАВИЛЬНОСТЬ ШАГОВ, ПРЕДПРИНЯТЫХ В СВОЕ ВРЕМЯ СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ И ФРАНЦИЕЙ, КОТОРЫЕ, УСТАНОВИВ ОТНОШЕНИЯ КОНСТРУКТИВНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА, НАПРАВИЛИ СВОИ УСИЛИЯ НА РАЗВИТИЕ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ, ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ОБЛАСТЯХ, НА СОЗДАНИЕ В ЕВРОПЕ НОВОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ОСНОВАННОЙ НА ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОМ ПРИМЕНЕНИИ ПРИНЦИПОВ МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВ С РАЗЛИЧНЫМ СОЦИАЛЬНЫМ СТРОЕМ

Из документа Политбюро ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР.

26 июня во дворце Рамбуйе, близ Парижа, состоялась беседа Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с Президентом Французской Республики Ж. Помпиду.

В рамках советско-французских политических консультаций Л. И. Брежнев и Ж. Помпиду обменялись мнениями по вопросам дальнейшего развития советско-французских отношений, а также по некоторым международным проблемам, представляющим взаимный интерес.

В тот же день Президент Французской Республики Ж. Помпиду дал во дворце Рамбуйе в честь Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева завтрак. На завтраке выступили Ж. Помпиду и Л. И. Брежнев.

«Только что начавшиеся беседы,— сказал Ж. Помпиду,— до сих пор полностью отвечали тому, что я от них ожидал, и я уверен, что мы сможем лишний раз констатировать, что эти встречи являются плодотворными для наших двух народов, для Европы и для дела мира в целом».

В ответном выступлении Леонид Ильич Брежнев сказал:

«Коммунистическая партия Советского Союза, весь советский народ высоко ценят друже-

ственные отношения с Францией и французским народом. Развитие этих отношений в области политики и экономики, науки и культуры — это одно из важнейших направлений советского внешнеполитического курса. Так подошел к отношениям с Францией XXIV съезд нашей партии, это же было вновь подчеркнуто и на апрельском Пленуме ЦК КПСС, который рассмотрел основные вопросы международной политики Советского Союза».

27 июня во дворце Рамбуйе были завершены беседы Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с Президентом Французской Республики Ж. Помпиду, прошедшие в деловой, конструктивной обстановке.

В документе «О встрече Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и Президента Французской Республики Ж. Помпиду» говорится, что было подчеркнуто особое значение советско-французских консультаций на высшем уровне для дальнейшего углубления взаимопонимания между двумя странами и их сотрудничества в пользу мира. В порядке продолжения и развития этой практики было условлено провести в начале 1974 года соответствующую новую встречу.

В этой связи Л. И. Брежнев передал Ж. Помпиду приглашение посетить Советский Союз. Это приглашение было принято.

«Рабочая встреча между Л. И. Брежневым и Ж. Помпиду,— указывается далее в документе,— вновь продемонстрировала постоянство сотрудничества между Советским Союзом и Францией, прочность и глубину дружбы советского и французского народов. Л. И. Брежнев выразил благодарность Ж. Помпиду за оказанное гостеприимство и теплый прием на французской земле».

В тот же день во дворце Рамбуйе Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев принял депутата Национального собрания Франции, мэра города Рамбуйе г-жу Ж. Том-Патенотр. Она вручила Л. И. Брежневу почетную медаль города Рамбуйе в знак свидетельства дружбы советского и французского народов.

Л. И. Брежнев преподнес Ж. Том-Патенотр памятную медаль «50 лет Союза Советских Социалистических Республик».

Вечером 26 июня Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев имел продолжительную беседу с Генеральным секретарем Французской коммунистической партии Жоржем Марше и секретарем ЦК ФКП Гастоном Плисонье.

Л. И. Брежнев рассказал о внешнеполитической деятельности ЦК КПСС в свете решений XXIV съезда КПСС и апрельского Пленума ЦК КПСС. Товарищи Ж. Марше и Г. Плисонье высоко оценили результаты этой деятельности, ее воздействие на международную обстановку.

27 июня Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и находившиеся вместе с ним во Франции советские официальные лица отбыли на Родину.

Л. И. Брежнева на парижском аэродроме Орли, украшенном государственными флагами СССР и Франции, провожали Президент Французской Республики Ж. Помпиду, министр иностранных дел М. Жобер, министр экономики и финансов В. Жискар д'Эстэн, министр транспорта И. Гена, генеральный секретарь канцелярии Президента республики Э. Балладюр, посол Франции в СССР Ж. Вимон.

Среди провожавших Л. И. Брежнева были посол СССР во Франции С. В. Червоненко, сотрудники посольства и других советских учреждений во Франции.

СЕНСАЦИЯ, СТАВШАЯ НОРМОЙ ЖИЗНИ

Борис ГУРНОВ

В центре Парижа, на Елисейских полях, ярким солнечным днем и в свете прожекторов ночи искрятся на ветру сплетенные вместе флаги Франции и Советского Союза. Это те торжественно-церемониальные флаги, которые были вывешены в честь нового, уже второго визита во Францию Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Это флаги, ставшие уже привычными. Они развеваются над фасадом нового парижского бюро «Аэрофлота». Во всю ширину зеркальной его витрины там установлен огромный мозаичный портрет Владимира Ильича Ленина.

Сравнительно недавно, в годы «холодной войны», такое казалось французам немыслимым. Ныне же воспринимается как норма жизни, как само собою разумеющееся.

Сообщение о том, что Л. И. Брежнев посетит Францию, вызвало в Париже огромный интерес, но не сенсацию, потому что политические консультации на высшем уровне руководителей Франции и Советского Союза уже прочно вошли в традицию советско-французских отношений.

Выступая в Национальном собрании Франции в день, когда было объявлено о новом визите Леонида Ильича, министр иностранных дел Мишель Жобер с удовлетворением отметил, что франко-советский диалог продолжает углубляться, расширяться и становится все более содержательным. Особым, чрезвычайно важным его этапом явился первый визит во Францию Л. И. Брежнева в октябре 1971 года и подписанный в те дни совместно с Жоржем Помпиду документ, определяющий принципы сотрудничества между двумя странами. В этом документе обе стороны обязались строить свои отношения так, чтобы они были хорошим примером равноправного сотрудничества государств с различным общественным строем.

Накануне последнего визита во Францию Л. И. Брежнева, во время вручения верительных грамот новым советским послом С. В. Червоненко Президент Франции говорил, что уже в течение нескольких лет франко-советское сотрудничество дает пример того, что может быть достигнуто, несмотря на различие в политическом и социальном строе. Это сотрудничество, говорил Ж. Помпиду, стало сегодня постоянным элементом международных отношений и важным фактором мира.

Ныне речь идет о том, чтобы еще больше углублять и расширять всесторонние советско-французские связи, которые, как отмечал Президент Франции во время первой встречи с Л. И. Брежневым на французской земле, «являются краеугольным камнем общеевропейского сотрудничества».

Задолго до прилета в Париж Л. И. Брежнева к салону почетных гостей парижского аэродрома Орли пришли толпы парижан с лозунгами и приветственными плакатами. Многие участники этой стихийной демонстрации дружбы приехали издалека, некоторые, несмотря на позднее время, привели с собой детей. «Да здравствует франко-советская дружба!» — написали на огромном полотнище, с которым они приехали в Орли, трудящиеся парижского пригорода Бобиньи. «Добро пожаловать Леониду Брежневу, представителю страны, идущей в авангарде борьбы за мир во всем мире!» — с этим лозунгом прибыли в Орли жители департамента Валь-де-Марн. Рабочие города Монтрей написали свой лозунг по-французски и по-русски: «Добро пожаловать, дорогие советские друзья!»

— Я потеряла на войне мужа,— говорила нам одна из участниц этой демонстрации, Шарлотта Сюзи, работница швейной фабрики из Сен-Дени.— С трудом воспитала детей. Сегодня, когда вот уже почти тридцать лет мы наслаждаемся миром, я нахожусь здесь во имя будущего моих внуков. Я приветствую Л. И. Брежнева, посланца мира, в котором больше всего нуждаются люди на всей земле.

Рукоплесканием, громом «Интернационала» встретили участники стихийной ночной демонстрации появление на пороге салона почетного гостя — Генерального секретаря ЦК КПСС.

Накануне консультаций я побывал и в городе Рамбуйе и в ставшем ныне летней резиденцией Президента старинном замке, имя которого тесно связано едва ли не со всеми важнейшими событиями истории Франции.

В городском муниципалитете я прежде всего познакомился с мэром Рамбуйе Ж. Том-Патенотр. Она бывший министр, депутат парламента...

— ...Но сегодня,— перебила она

Париж. 27 июня. Во дворце Рамбуйе, близ Парижа, были завершены беседы Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с Президентом Французской Республики Ж. Помпиду. На снимке: во время заключительной стадии беседы.

Телефото спец. корр. ТАСС В. Мусаэльяна и В. Егорова.

затянувшееся представление,— мне хотелось бы подчеркнуть не эти официальные мои должности, а то, чем я занимаюсь по общественной, как у вас говорится, линии. Ведь я председатель нашего городского отделения общества «Франция — СССР» и вице-президент группы франко-советской дружбы в Национальном собрании Франции. Именно поэтому мне особенно радостно, что гостем нашего города будет высокий руководитель Советского Союза.

На стене кабинета мэра висит портрет офицера в форме времен первой мировой войны. «Это мой отец,—говорит Патенотр,—он убит под Верденом...» Рядом еще один мужской портрет. «Это муж,— говорит она,— он был министром в довоенном правительстве Франции и наотрез отказался сотрудничать с предателями и оккупантами нашей родины»...

Она замолчала. Затем сказала медленно: «Мир — вот главное, чего ждут люди от облеченных высокой властью руководителей государств. И как посланца мира встречает Франция Леонида Ильича Брежнева...»

С воспоминаний о прошедшей войне, со слов благодарности руководителям Советского Союза за их заботу о сохранении и упрочении мира начал ответ на мой вопрос комендант замка Рамбуйе Жан Пуликен: «Я был солдатом, был на фронте, раненый лежал в госпиталях, пережил годы фашистского плена. Я понимаю смысл приезда Л. И. Брежнева и его переговоров с Ж. Помпиду, как мне кажется, правильно — это гость, который уже приходил и вновь приходит к нам с миром. И поэтому мы снова говорим ему: «Добро пожаловать и спасибо».

— Теперь я уже чуть ли не старожил Рамбуйе,— рассказывала заведующая городской библиотекой Андриа Гюше,— а попала сюда случайно. Наш дом был разрушен войной, я ждала ребенка, и мы бежали в эти места, чтобы обрести мир, покой и тишину. Мир завоеван в битвах второй мировой войны в основном усилиями Советской Армии. Он торжествует на земле, и гарантия в том, что он будет прочным,— миролюбивая политика Советского Союза, посланца которой мы принимаем на нашей земле.

Господин Мерль, хозяин гостиницы, расположенной у самых ворот замка, и Жан Легиядер, учитель французского языка местного лицея, говорили об огромном значении экономических связей Франции и Советского Союза, о том, что подписанные во время первого визита во Францию Л. И. Брежнева экономические соглашения дают заметный эффект.

Политические консультации в замке Рамбуйе были закрытыми для представителей печати. И несмотря на это, до окончания бесед и даже еще до приезда Л. И. Брежнева во Францию большинство французских обозревателей откомментировали встречу в Рамбуйе как «новый Заславль», как новый важнейший этап в развитии и укреплении взаимополезных связей наших стран, как серьезный вклад в строительство здания прочного мира.

Париж, по телефону.

Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин отбыл 2 июля из Москвы в Вену с официальным визитом по приглашению федерального правительства Австрийской Республики. В поездке в Австрийскую Республику А. Н. Косыгина сопровождают Председатель Совета Министров Туркменской ССР О. Н. Оразмухамедов, заместитель министра иностранных дел СССР В. С. Семенов, первый заместитель министра внешней торговли М. Р. Кузьмин, помощники Председателя Совета Министров СССР Б. Т. Бацанов и Ю. В. Фирсов, член коллегии МИД СССР А. П. Бондаренко.

В международном аэропорту Швехат, украшенном государственными флагами Советского Союза и Австрии, А. Н. Косыгина встречали федеральный канцлер Австрии Б. Крайский, вице-канцлер Р. Хойзер, и. о. министра иностранных дел В. Водак и другие официальные лица.

В тот же день Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин нанес визит федеральному Президенту Австрии Ф. Ионасу.

2 июля в официальной резиденции федерального канцлера начались переговоры между Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и федеральным канцлером Австрии Б. Крайским.

Переговоры проходят в откровенной и дружественной обстановке.

Во время встречи в международном аэропорту Швехат.

Телефото В. Будана (ТАСС)

ДО НОВЫХ ВСТРЕЧ!

Владимир НИКОЛАЕВ, специальный корреспондент «Огонька»

В день завершения переговоров в Сан-Клементе я, будучи там, беседовал с видным местным бизнесменом, президентом авиационной корпорации Фрэнком Таллмэном. Наш разговор затянулся далеко за полночь. Практичный пожилой человек говорил с юношеским воодушевлением о своих новых деловых планах, родившихся в его голове в связи с визитом Л. И. Брежнева. Он полон желания «делать бизнес» с нашей страной и собирается прилететь к нам для переговоров на собственном «боинге».

Широко осветили в США завершение советско-американских переговоров и их итоги все средства массовой информации. Они единодушно отметили «необычайно дружественную атмосферу на заключительном этапе переговоров между Л. И. Брежневым и президентом Никсоном» и подчеркнули заявление Л. И. Брежнева о том, что переговоры носили деловой характер и что их результаты серьезны и плодотворны.

Широкий отклик у американской и всей международной прессы вызвало Соглашение между СССР и США о предотвращении ядерной войны. Оценивая это Соглашение, печать цитирует Совместное советско-американское коммюнике: «Генеральный секретарь ЦК КПСС и Президент США, оценивая это соглашение, считают, что оно представляет собой исторический рубеж в советско-американских отношениях и существенно укрепляет основы международной безопасности в целом. Советский Союз и Соединенные Штаты заявляют о своей готовности рассмотреть дополнительные пути укрепления мира и устранения навечно угрозы войны и особенно — ядерной войны».

«Теперь мы убеждаемся,— отмечает газета «Нью-Йорк таймс»,— что встречи в верхах действительно могут создать более безопасную и благоприятную международную обстановку». Она также пишет: «Р. Никсон и Л. Брежнев расстались, сделав взаимные заверения, что проведенные ими переговоры продвинули не только Советский Союз и США, но и весь земной шар вперед в направлении обеспечения длительного и прочного мира».

Есть указания на то, отмечает газета «Нью-Йорк таймс», что

ИСТОРИЧЕСКИЕ КАДРЫ

В субботу 30 июня 1973 года по Центральному телевидению СССР и Интервидению был показан новый документальный цветной телевизионный фильм «Программа мира в действии. Визит тов. Л. И. Брежнева в США». Корреспонденты Центрального телевидения, снимавшие этот фильм, создали впечатляющий, незабываемый документ, в котором отразили все самые важные этапы исторической миссии Генерального секретаря ЦК КПСС, члена Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева в Соединенные Штаты Америки—переговоры с Президентом США Р. Никсоном, беседы с государственными и политическими деятелями, с представителями деловых кругов и общественности Америки, подписание важнейших соглашений, направленных на упрочение всеобщего мира.

Телевизионный фильм, переданный из Нью-Йорка по каналам космической связи, наглядно показал значение визита товарища Л. И. Брежнева в деле укрепления советско-американского сотрудничества, в деле разрядки напряженности и упрочения безопасности народов.

Миллионы телезрителей нашей страны и братских социалистических стран увидели волнующие кадры, запечатлевшие сердечность и теплоту, с которыми встречали товарища Л. И. Брежнева простые люди Америки. Фильм—новое убедительное свидетельство еще одного практического шага по осуществлению грандиозной Программы мира, принятой XXIV съездом КПСС, решений апрельского (1973 год) Пленума ЦК КПСС.

атмосфера сотрудничества и импульс, данный встречей в верхах, в конечном счете приведут к установлению широких торговых связей... Обе стороны видят косвенную, но важную связь между переговорами об ограничении стратегических вооружений и торговлей, и ни одна из них не хочет, чтобы эти переговоры окончились неудачей.

Экономический обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» приводит слова «видного американского бизнесмена», который, подчеркнув важность переговоров между Президентом Никсоном и Л. И. Брежневым, заявил: «Если мы можем торговать с русскими, если мы можем заключать долгосрочные сделки, которые предусматривают твердые обязательства с их стороны и крупные обязательства с нашей, включая предоставление статута наибольшего благоприятствования в торговле, то мы будем иметь возможность значительно продвинуться по пути укрепления мирного сосуществования и устранения последних остатков «холодной войны».

Газета «Вашингтон пост» считает, что ответный визит Президента Никсона в Москву «сможет привести к новому соглашению о постоянном замораживании стратегических вооружений».

Журнал «Ньюсуик» среди главных итогов переговоров называет соглашения о предотвращении ядерной войны и об основных принципах переговоров о дальнейшем ограничении стратегических, наступательных вооружений. Другим важным итогом переговоров на высшем уровне журнал считает «подписание серии впечатляющих двусторонних соглашений». В итоге этого, отмечает «Ньюсуик», «хотя США и СССР и остаются соперниками, они настолько тесно связали себя узами общих интересов, что сотрудничество между ними стало сегодня настолько же интенсивным, насколько в прошлом была конфронтация».

Наверное, все американские газеты привели те слова Л. И. Брежнева, которые он произнес, покидая американскую землю: «Всего хорошего, до новых встреч!»

До новых встреч!

Соединенные Штаты,
июль.

НА ПРОВОДЕ ХЕЛЬСИНКИ

Ю. СБИТНЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Удивительно яркая и жаркая погода властвует над Финляндией. Целыми днями от восхода до заката солнцу сопутствует чистое небо без единого облака. В пригородах Хельсинки остро и медово пахнет только что скошенной и высохшей травой. Стога сена стоят на делянках крестьянских полей, подступающих к пригороду. Буйно цветут на неукосах белые ромашки. Голубое небо, стога и белый разлив полевых цветов — мирный пейзаж Финляндии. И как-то необыкновенно созвучен этот пейзаж тому настроению, что царит сегодня в столице древней страны Суоми.

Тридцать три делегации из стран Европы, делегации США и Канады собрались нынче в белом мраморном дворце «Финляндия» на совещание по безопасности и сотрудничеству.

3 июля. Снова жаркий, ясный день. В просторном зале пресс-центра дворца «Финляндия» с раннего утра десятками июльских кузнечиков стрекочут пишущие машинки. То и дело к телефону голос диспетчера приглашает корреспондентов Болгарии, Англии, Турции, Венгрии, США... Весь мир сейчас на проводе Хельсинки. И это понятно. Около пятисот журналистов съехались сюда, чтобы следить за встречей министров иностранных дел и освещать эту встречу. Центральные газеты Финляндии на видных местах излагают сегодня заявление прибывшего в Хельсинки из Москвы члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко, возглавляющего советскую делегацию.

«Хельсингин саномат» от 3 июля публикует заявление А. А. Громыко под заголовком «Представитель СССР А. А. Громыко подчеркнул важность совещания».

11 часов 25 минут по хельсинкскому времени. Делегации занимают в зале заседания места. Пять минут отдано фотокорреспондентам, и ровно в 11 часов 30 минут министр иностранных дел Финляндии А. Карьялайнен объявляет об открытии этого исторического совещания. С приветственной речью к собравшимся обратился Президент Финляндской Республики Урхо Кекконен.

Президент сказал, что совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе — прежде всего важный процесс для судеб всего мира.

Выступление Президента было выслушано с большим вниманием и сопровождалось аплодисментами. С приветственной речью выступил генеральный секретарь ООН Курт Вальдхайм. Он отметил, что сейчас в мире в вопросах международных отношений наметилась тенденция мудрого подхода. Наступила эра переговоров, диалога и контактов...

На этом утреннее совещание заканчивает свою работу. В кулуарах идут дружеские разговоры, происходят деловые и товарищеские встречи. Подняты традиционные бокалы шампанского за успех. Дух товарищества и понимания царит во дворце «Финляндия». Он, этот дух, и в рукопожатиях главы нашей делегации А. А. Громыко и Президента Финляндии У. Кекконена. Он — в деловой и доброжелательной обстановке, царящей в пресс-центре. Он — в прекрасном июльском дне, в сверкании воды у самых окон и в мирном шелесте листвы на деревьях, подступивших к самому беломраморному зданию.

В 15.00 по хельсинкскому времени открывается вечернее заседание под председательствованием министра иностранных дел ГДР Отто Винцера. Первое слово для выступления предоставляется главе советской делегации, министру иностранных дел А. А. Громыко: «Советский Союз пришел на совещание с желанием обеспечить его успех. Для нас это последовательное выражение политики защиты мира, которую Советский Союз, наши союзники и друзья, страны социалистического содружества проводят в европейских и международных делах.

Для нас это одно из важнейших направлений реализации Программы мира, выдвинутой XXIV съездом Коммунистической партии Советского Союза».

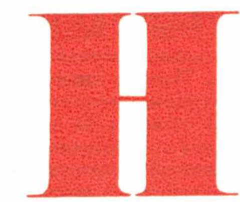
Глубокой тишиной встречает зал напоминание о том, что на европейской земле не осталось уголка, где не стояли бы памятники миллионам погибших в двух войнах на протяжении жизни одного поколения. Выступление главы советской делегации было выслушано с большим вниманием и прерывалось аплодисментами. Далее выступил министр иностранных дел Дании К. Б. Андерсен.

Совещание по безопасности и сотрудничеству, расцененное тут как событие века, продолжает свою работу. Финские газеты широко комментируют и публикуют речь главы советской делегации А. А. Громыко.

Хельсинки,
3 июля.

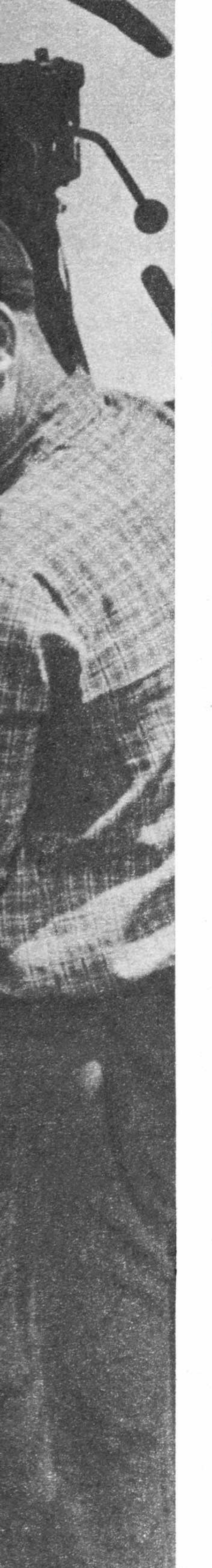
Герои жатвы. В центре — лучший комбайнер колхоза имени Свердлова Раиса Зиновьева и председатель колхоза Б. В. Голосной.

Фоторепортаж
специального корреспондента
«Огонька»
Алексея ГОСТЕВА



Первый каравай—комсомольцу Сергею Колесникову, сменившему руль автомашины на штурвал комбайна

Никогда еще не видели здесь такой пшеницы. Этот сорт вывел академик П. П. Лукьяненко.



Темпы жатвы выше возможностей журнальной полиграфии. Сегодняшние снимки показывают самый старт уборочных будней Ставрополья. В день, когда выйдет в свет этот номер «Огонька», солнце жатвы перевалит зенит. А еще через неделю комбайны пойдут на последний круг. Накал страды отразится лишь на лицах ее героев. Пот, пыль, улыбки... Первым пал озимый ячмень, через неделю легла высокими валками пшеница. Хлебная равнина Северного Кавказа радует тяжелым намолотом. Тяжелым и трудным, взятым с бою. И пошло зерно — с пылу-жару рабочего азарта! По тридцать три центнера ячменя намолачивали комбайнеры колхоза имени Свердлова, Советского района. Лидер соревнования с первого дня—Раиса Ивановна Зиновьева. Отличные показатели у комбайнеров Сергея Колесникова, Анны Подшиваловой, Ивана Боковца, Евгения Стребкова. Комбайны на Ставрополье работают и днем и ночью—в две смены. И первые гектары обмолоченной пшеницы дали по тридцать пять центнеров —более двухсот пудов хлеба. Вот он, намолот-73! Вдвое больше, чем в прошлом году.

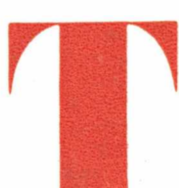
Не спит село Солдато-Александровское. Не спится: степь гудит! Люди в степи — все, кто владеет машиной, кто не уходит с токов, кто грузит, сгружает, лопатит, отвозит зерно.

Ставропольцы, кубанцы, ростовчане решили убрать хлеб за десять — двенадцать дней. Срок очень короткий. Срок, определенный возможностями моторов и людских сердец. Ни грозовые дожди, ни шквалы ветра, ни град—ничто не помеха тем, кто вышел в степь брать железной горстью урожай 1973 года.

Н. БЫКОВ

Машина с новым хлебом.

О



Страда — время трудное и веселое...

СОЛНЕЧНЫЙ КРАЙ ЗА БАЙКАЛОМ

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

А. У. МОДОГОЕВ,
первый секретарь
Бурятского обкома КПСС

Фото Э. ЭТТИНГЕРА.

ВОПРОС. Бурятия... Солнечная республика за Байкалом. Расскажите, пожалуйста, что представляет собой ваш край.

Ответ. Наша автономная республика, образованная 50 лет назад в составе РСФСР, раскинулась на площади более чем 350 тысяч квадратных километров. Правда, сюда входит и большая часть самого Байкала — около шестидесяти процентов береговой линии и восемьдесят процентов акватории. Тем не менее территория Бурятии превышает территорию таких, например, европейских государств, как Англия, Италия, Норвегия, Финляндия, ФРГ.

Бурятия — край гор и широких долин. У нас преобладают сравнительно невысокие горы — сопки. Но есть немало и крупных хребтов и огромных вершин. Самая большая из них — Мунку-Сардык (в переводе — Вечный голец) — достигает 3,5 тысячи метров.

Почти все склоны гор покрыты лесами, сливающимися в безбрежную тайгу. Леса занимают более трех четвертей территории республики. Подсчитано, что в мире на одного жителя в среднем приходится 1,5 гектара леса. А у нас, в Бурятии, — 42,5 гектара. В лесах много пушных зверей. Особенно знаменит баргузинский соболь.

В межгорьях раскинулись просторные долины, напоминающие степи. По ним протекают стремительные горные реки. Всего в республике более 9 тысяч больших и малых рек. 336 из них впадают в Байкал. У нас много горных озер, очень красивых. Например, озеро Котокель по праву называют бурятской Рицей.

Очень выразительно и верно охарактеризовал наш край Антон Павлович Чехов. По пути на Сахалин он проехал на лошадях большую часть Бурятии и в письме к родным писал: «Селенга — сплошная красота, а в Забайкалье я находил все, что хотел: и Кавказ и долину Псла, и Звенигородский уезд, и Дон. Днем скачешь по Кавказу, ночью — по Донской степи, а утром очнешься от дремоты, глядь, уже Полтавская губерния,— и так всю тысячу верст».

Природа щедро одарила Бурятию полезными ископаемыми. Наши горы богаты каменным углем и железом, золотом и серебром, свинцом и цинком, редкими металлами и нерудными ископаемыми.

Что касается такой бесценной жемчужины, как Байкал, то о нем много говорилось и писалось, и вряд ли следует вновь повторять известное. Необходимо лишь подчеркнуть, что благодаря заботе партии и правительства делается очень многое, чтобы сохранить это чудесное творение природы во всей его первозданной красоте, а таящиеся в его бассейне богатства использовать в интересах советского народа.

ВОПРОС. Как и в других отсталых в прошлом национальных окраинах России, в Бурятии за годы Советской власти, конечно, произошли большие перемены. Как можно коротко охарактеризовать их?

Ответ. Следует прежде всего подчеркнуть, что среди национальных окраин России Бурятия была одной из самых отсталых. Коренное население края — буряты — до Советской власти еще не сформировалось как нация, здесь господствовали патриархально-родовые и феодальные отношения. Трудовой народ был совершенно бесправен и подавлен жестоким социальным и национальным гнетом.

После установления Советской власти по инициативе Владимира Ильича Ленина бурятский народ впервые в истории обрел свою государственность и автономию, стал равноправным в семье братских народов РСФСР. Вслед за тем при огромной помощи всех народов нашей страны, прежде всего русского пролетариата, развернулась работа по ликвидации экономической и культурной отсталости этого обширного края. Чтобы представить себе всю сложность задач, которые предстояло решить, достаточно сказать, что в 1923 году — в первый год образования республики — в Бурятии на душу населения производилось в 23 раза меньше промышленной продукции, чем в 1913 году на душу населения в целом по России, что еще в 1926 году подавляющее большинство населения Бурятии — 62 процента — было неграмотным; что вплоть до 1928 года значительная часть сельского населения — крестьяне-скотоводы — еще вела кочевой или полукочевой образ жизни.

Эти и многие другие приметы вековой отсталости бесследно исчезли в очень короткий срок.

Уже в первой пятилетке в промышленность и строительство Бурятии были вложены многие миллионы рублей. Из промышленных центров страны в республику шел бесконечный поток железнодорожных эшелонов: станки, различное оборудование,— своей базы у нас еще не было.

Первыми приехали на стройку паровозовагонного завода 500 самых опытных строителей Турксиба во главе с крупным организатором С. М. Ивановым. Прибыли каменщики, плотники, электромонтеры, арматурщики из Москвы, Ленинграда, Харькова, Свердловска. По призыву областного комитета партии на строительство «гиганта Бурятии» пришли три тысячи наших крестьян, почти половина из них еще вчера были скотоводами-кочевниками, и русские рабочие стали их учителями. Так началось формирование рабочего класса в Бурятии.

Тогда же на строительство стекольного завода из Москвы, Ленинграда, Иванова приехали бригады монтажников и трубоукладчиков, они взяли обязательство не покидать стройку до пуска. И навсегда связали свою судьбу с Бурятией.

В сентябре 1932 года Моссовет взял шефство над республикой за Байкалом и сразу же направил к нам группу московских инженеров. На ТЭЦ в Улан-Удэ приехали молодые ленинградские энергетики...

Уже в 1940 году Бурятия в результате индустриализации, коллективизации и культурной революции стала краем развитой промышленности, высокомеханизированного крупного сельского хозяйства, всесторонне развитой социалистической культуры. А послевоенные годы стали временем еще более бурного роста производительных сил, невиданного расцвета науки, литературы, искусства.

Ныне Бурятию знают прежде всего по промышленной продукции, которая идет во все края и области страны и более чем в сорок зарубежных стран. Что это за продукция? Самолеты и локомотивы, речные суда и автокраны, электромоторы и точные приборы, стекло и цемент, асбест и шифер, шерстяные ткани и обувь, лес и изделия лесопереработки, разнообразное минеральное сырье и многие другие промышленные изделия. Некоторым из них присвоен государственный Знак качества. Действующие сейчас в республике промышленные предприятия представляют около 60 отраслей и подотраслей промышленности. Они дают в год продукции на 1 миллиард 300 миллионов рублей. И все наши достижения — это плоды дружбы народов, плоды ленинской национальной политики, которую неуклонно проводит Коммунистическая партия Советского Союза.

●

Бурятский филиал Сибирского отделения АН СССР. Институт естественных наук. Лаборатория химии полимеров. Научные сотрудники института А. Прокосова и Е. Етонова за анализом полимеров.

12

ВОПРОС. Бурятия издавна была известна как край животноводства, прежде всего овцеводства. Как обстоят теперь дела в этой области?

Ответ. Об этом можно судить хотя бы по таким двум цифрам: в 1923 году, когда была образована республика, в Бурятии насчитывалось 270 тысяч овец, сейчас их поголовье в колхозах и совхозах подошло к двум миллионам и производство шерсти возросло в 15—17 раз.

Наряду с овцеводством большое развитие получило молочное и мясное скотоводство, свиноводство, птицеводство, пчеловодство. Мясными и молочными продуктами Бурятия снабжает не только свои города и рабочие поселки, но и районы Крайнего Севера, тонкорунной шерстью — многие предприятия легкой промышленности ряда областей.

Основой развития животноводства в Бурятии всегда были обширные естественные пастбища в межгорных долинах и на склонах гор. Но на такой основе возможно только экстенсивное животноводство. Сегодня одних этих даров природы недостаточно. Надо иметь развитое полеводство, способное обеспечить животноводство кормами в полной мере. Поэтому колхозы и совхозы республики с каждым годом увеличивают пашни и посевы зерновых и кормовых культур, картофеля, овощей. Только в нынешнем и будущем годах нужно распахать 100 тысяч гектаров новых земель. Это вместе с главной задачей — повышением урожайности полей — поможет обеспечить потребности республики в фуражном зерне для дальнейшего развития животноводства. Одновременно много делается для повышения урожайности лугов и пастбищ.

Словом, и в этой старой, традиционной для республики отрасли хозяйства произошли и происходят коренные изменения. Животноводство неуклонно растет и развивается на новой основе — на базе современных методов и современной технологии.

ВОПРОС. Расскажите, пожалуйста, подробнее о полезных ископаемых Бурятии. Что нового мы можем узнать о работе геологов, о современных разработках «глубин сибирских руд»?

Ответ. Недра Бурятии чрезвычайно богаты полезными ископаемыми — это было известно давно, и многие предприимчивые дельцы в свое время пытались воспользоваться нашими подземными богатствами. Но только при Советской власти было начато геологическое изучение и планомерное освоение недр Бурятии. Уже в тридцатых годах были выявлены и разведаны: Джидинская группа редкометальных месторождений, на базе которых был построен один из крупнейших в стране вольфрамо-молибденовый комбинат; Гусиноозерское месторождение угля, добыча которого из года в год возрастает; золотоносные россыпи в Баунтовском аймаке и другие месторождения.

Особенно большой размах приняло геологическое изучение недр в последние 10—12 лет. К нынешнему дню разведано более 130 месторождений полезных ископаемых: молибден, вольфрам, цинк, свинец, железные руды, каменный уголь, апатиты, асбест, графит, разнообразные строительные материалы.

В соответствии с Директивами XXIV съезда партии об ускоренном освоении природных ресурсов и наращивании экономического потенциала восточных районов страны в ближайшие годы в республике на базе разведанных месторождений начнется строительство крупнейших горнорудных комплексов. В их числе Ошурковский апатитовый комбинат, Озерный полиметаллический и другие.

ВОПРОС. Еще до войны, в 1940 году, в Москве на Декаде бурятского искусства было ярко продемонстрировано духовное возрождение бурятского народа, его большие достижения в развитии культуры. Какие перемены в культурном строительстве произошли в республике в послевоенные годы?

Ответ. Эти изменения поистине огромны, и невозможно охарактеризовать их в немногих словах. Придется поэтому вновь прибегнуть к языку цифр. В довоенном, 1940 году в народном хозяйстве республики работало менее пяти тысяч специалистов с высшим и средним специальным образованием. Ныне число специалистов, работающих в основных отраслях народного хозяйства, приближается к пятидесяти пяти тысячам.

Вузы и техникумы республики в 1940 году выпустили из своих стен всего около трехсот специалистов. Сегодня четыре вуза и двадцать три техникума ежегодно выпускают более семи тысяч специалистов.

В 1940 году в республике функционировал только один научно-исследовательский институт, а научных работников было всего пятьдесят два человека. Сейчас в республике работает филиал Сибирского отделения Академии наук СССР с широкой сетью научно-исследовательских учреждений. Научных и научно-педагогических работников в республике ныне около двух тысяч.

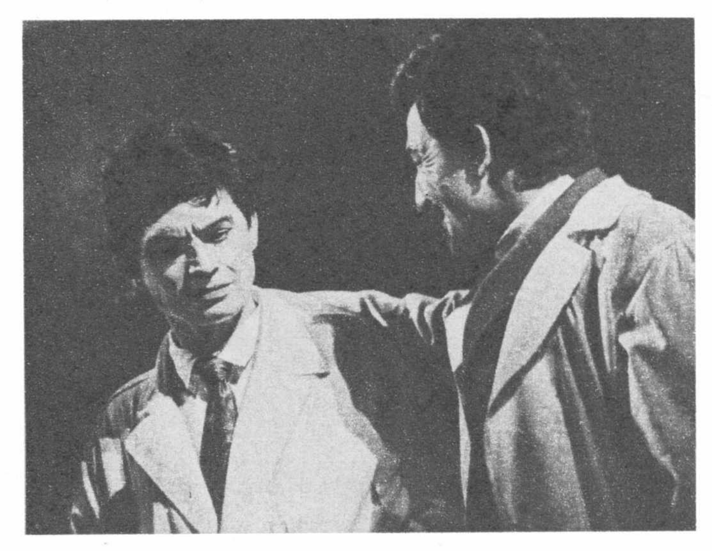
Вдвое, а то и втрое выросли за эти годы наши творческие организации: союзы писателей, композиторов, художников. Но важен не только количественный рост. Литература Бурятии хорошо известна во всех республиках Советского Союза и в братских социалистических странах. То же можно сказать и о произведениях наших художников, композиторов.

Прошедшие в мае нынешнего года в Москве и Свердловске дни литературы и искусства Бурятской АССР показали подлинный расцвет многообразной культуры народов, населяющих нашу республику.

Москвичи и свердловчане очень тепло принимали выступления творческих коллективов Бурятского ордена Ленина театра оперы и балета, ансамбля «Байкал», представителей многотысячной армии участников художественной самодеятельности. Большим успехом пользовались выставки произведений бурятских художников, книги наших писателей.

Трудящиеся Бурятии хорошо знают, что всеми своими успехами в развитии экономики и культуры, всеми своими достижениями они обязаны мудрой ленинской национальной политике Коммунистической партии, братской помощи великого русского и других народов нашей страны. И в дни золотого юбилея республики они от всего сердца шлют Центральному Комитету партии и Советскому правительству слова глубокой благодарности и признательности.

Гусиноозерское месторождение угля. Холбольджинский угольный разрез.



Спектакль «Хочет жить». Н. Хасанов — Латиф и Р. Гусейнов в роли Манзура.

Фото И. Галанюка.

ТОЛЬКО ПРАВДА

Сцена и зрительный зал. Театр. Это двуединое пространство обладает свойством делать людей счастливыми. Я актер и бываю счастлив на сцене. Я зритель и испытываю счастье, находясь в зрительном зале. Почему? Потому что одно из главных условий счастья — понимать людей и быть понятым ими. Такую драгоценную возможность мы получаем в театре, где на каждого из нас «работают» таланты драматурга, актеров, зрителей. Но, разумеется, в таком театре, где основной закон — правда чувств.

Именно таким коллективом и является, на мой взгляд, Таджикский государственный академический ордена Трудового Красного Знамени театр драмы имени А. Лахути, гастроли которого прошли недавно в Москве на сцене Малого театра.

Пусть критики разбирают по элементам игру актеров, отмечая их пластику и мимику, искусство вести диалог, скупость и точность жеста,— меня в первую очередь интересует все же не это. Для меня важен тот процесс, который идет в сердце актера и за которым мы можем следить, вглядываясь в лицо исполнителя, в его глаза...

Спектакль «Хочет жить» по пьесе Мавджуды Хакимовой. Один из трех друзей, доктор Манзур (артист Р. Гусейнов), заявил в радиоинтервью, что именно он открыл целебную вакцину, «забыв» упомянуть о своем друге Латифе (Н. Хасанов), рисковавшем жизнью, чтобы проверить новый препарат. Латофат (Г. Сафаралиева), девушка, которую любит Манзур, все знает. И вот встреча Манзура и Латофат.

Да, человек должен быть правдивым, честным, добрым... Но на практике так удобно порой вспомнить, что каждое слово имеет 366 граней, это говорит Манзур, и спрятаться за наиболее подходящую грань.

В финале этой сцены Латофат смотрит на Манзура, а он ловит ее взгляд, и во время этой драматической паузы зал, словно на экране, видит, какая сложная работа идет в сознании Манзура, какие противоречивые мысли и чувства проносятся в нем. Но вот прожектор выхватывает из черноты сценического пространства лицо Латифа, его горящие глаза, обращенные в зал, заставляют с неожиданной остротой почувствовать: правда одна, и она несовместима даже с самыми изобретательными аргументами беспринципности.

Строгая и ясная мысль театра связала воедино такие несхожие по содержанию пьесы, как «Рудаки» (С. Улуг-заде), «Без вины виноватые» (А. Н. Островский), «Хочет жить» (М. Хакимова).

Рудаки. Великий таджикский поэт X века. Как сыграть поэта? Как сыграть импровизатора? Как сыграть борца, бросавшего в лицо тиранам слово правды? Рудаки в выдающемся, на мой взгляд, исполнении заслуженного артиста Таджикской ССР М. Вахидова внимателен и изящен, нежен и бесстрашен, в нем чувствуется «моцартовская» нота свободного вдохновения, полет мысли... И становится ясно: личность поэта и его дар неразделимы так же, как неразделимы стихи поэта и его судьба. По велению тирана Рудаки ослепили. А ведь был же и здесь возможен спасительный компромисс!.. Но у поэта не возникает и мысли об этом, потому что, закрыв глаза на зло, он потерял бы больше: свою честь, свое достоинство, свое внутреннее зрение поэта...

Должен заметить, что спектакль «Без вины виноватые» в отличной постановке народного артиста Таджикской ССР В. Я. Ланге превзошел все мои ожидания.

Таджикские артисты постигли самый дух творения великого русского драматурга. Народная артистка СССР Т. Фазылова в роли Кручининой создала образ, исполненный глубочайшего внутреннего достоинства. Благородно-сдержанная в выражении своих чувств, она обретает высоты подлинного трагизма. Поразил меня и Х. Рахматуллаев (Дудукин), сумевший показать истинно русский характер со всей его широтой и душевной щедростью. С какой-то обостренной выразительностью создает образ своего Незнамова М. Вахидов, неожиданно и изобретательно играет Шмагу Б. Раджабов.

А вся постановка в целом отличается ненавязчивой тщательностью каждой детали, бережным вниманием к слову и мысли Островского, к его глубоким и всегда современным идеям.

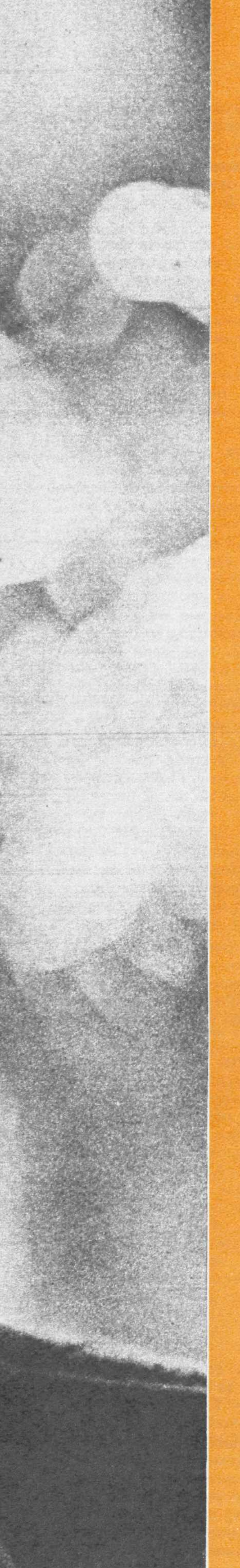
Да, в Театре имени А. Лахути много хороших артистов. Но я не почувствовал на его сцене духа «премьерства».... Здесь каждый артист видит в своем партнере солиста и делает все, чтобы помочь ему. В этом, видимо, основная заслуга постановщиков и главного режиссера — Хушназара Майбалиева.

Именно в этой высокой театральной культуре ансамбля, объединяющей всех артистов в коллектив единомышленников, и видится мне залог дальнейших успехов Таджикского театра драмы имени А. Лахути.

Г. МЕНГЛЕТ,
народный артист РСФСР

Николай Михайлович Гайдук, старший оператор черновой клети стана «3600».

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПР



Галина КУЛИКОВСКАЯ

**Фото Э. ЭТТИНГЕРА.
Специальные корреспонденты «Огонька».**

Давно забытое чувство юношеского волнения перед экзаменами Николаю Михайловичу Гайдуку посчастливилось испытать еще раз. Было это совсем недавно, на пуске стана «3600». Ему доверили стать к пульту управления в тот торжественный день, и он принял символический ключ от Михаила Бодашевского, Героя Социалистического Труда, знатного бригадира стройки. Не один экзаменатор — тысячи людей смотрели на них, слушали их с трибуны митинга. И тогда понял Николай Михайлович, что сегодня не только праздник, который вряд ли когда-либо еще повторится, но и экзамен, начинается главный экзамен всем прожитым годам.

Строители готовились к этому дню пять лет, с того самого часа, когда на одичавшую гору грабарского поселка пришел первый экскаватор. Пришел, чтобы срезать гору, очистить плацдарм для сооружения корпуса. Очень много было символики в том, что именно на месте старых хибар землекопов первой пятилетки встанет техническое совершенство нашего времени — толстолистовой стан. Тысячу восемьсот дней работали люди и машины,— в историю промышленного строительства вписано немало замечательных страниц, но, пожалуй, наивысший накал был достигнут в последние полгода,— в шесть месяцев люди сумели вместить работу целого года. Девизом стало: «Досрочно, качественно, экономно!». Сжатыми, как само время, — каждый день теперь измерялся не меньше чем двумя сутками,— поступали рапорты о трудовых свершениях: «На сорок дней раньше введена в строй подстанция... Досрочно сдана в эксплуатацию химводоочистка... В четыре раза быстрее смонтированы телефонные станции»... Всего за четыре часа электромонтажники поставили трансформаторы... За сутки вместо двух недель по норме бригада Георгия Коваленко смонтировала и установила главный двигатель черновой клети»...

Строителям всех родов есть чему поучиться у участников соору-

Из этих слябов получится лист.

АЗДНИКУ

жения стана «Азовстали». Они продемонстрировали всей стране уроки прогрессивной, четкой организации труда и умения проявить заботу, «дойти» буквально до каждого человека стройки. Оперативная группа ЦК КП Украины и Совета Министров республики, созданная на строительстве, особое внимание уделила вопросам материально-технического снабжения, развертывания социалистического соревнования и его действенности. И вот итог: имена героев навечно начертаны на первом листе стального проката.

Для строителей праздник: пройден первый этап. Для Гайдука и его товарищей, приступивших к освоению стана, начало нового рубежа. Их час еще не пробил: время покажет, как и когда выйдут они на проектные отметки. Будущее стана «3600» в центре внимания дня на «Азовстали» всех — от прокатчика до ее директора. И не только потому, что стан нов, уникален по своей конструкции, и в связи с этим металлургам предстоят, видимо, определенные сложности.

Кстати, об особенностях стана. Что думает о нем, например, наш герой, старший оператор Николай Михайлович Гайдук? Он пускал слябинг на заводе имени Ильича, работал на блюминге «Азовстали», четыре месяца стажировался в Череповце.

— Наш стан не похож ни на какой другой,— говорит старший оператор.— Череповецкий стан, конечно, прекрасен. Владимир Филиппович Климов на нем не просто оператор, а ювелир: из куска железа делает лист, который идет на что угодно. Но наш стан совсем другой. Взять хотя бы пост управления. В подковообразной кабине (архитекторы, вероятно, на счастье такую форму придумали) — пульт, кресло, лампы дневного света, будут работать кондиционеры. А пульт! Это же не пульт, а пианино, столько на нем разных кнопок, ручек, рычагов, и каждая «клавиша» звучит по-своему. Мы с напарником Юрием Ивановичем Пригодой два месяца разбирались в схемах и режимах, прорабатывали все «от» и «до», точно азбуку новую изучали. Сложнейшие системы! Выдача слябов производится автоматически, гидросбив автоматизирован, завалка вертикальных валков тоже, автоматы будут измерять ширину и толщину листа. А ведь стан прочувствовать надо, только тогда дело пойдет на лад. И тонюсенький, в полсантиметра, лист прокатаем и массивную, толщиной в двадцать сантиметров, плиту. И то и другое должно быть выполнено очень точно, с жесткими, в десятую миллиметра, допусками. Представляете? Это ж будет не лист, а фантазия! Такого стана нет во всей Европе!

Гайдук коснулся только своего участка. Специалисты дают исчерпывающую характеристику всего листопрокатного цеха, в котором стан «3600» главный, но далеко не единственный объект сложнейшего технологического комплекса. Огромное достоинство его в том, что прокат в потоке будет подвергаться в зависимости от заказа разнообразной термической многоступенчатой обработке. В одном месте, например, на раскаленный докрасна лист обрушится водопад — 12 тысяч кубических метров воды в час! Сравню: новому цеху потребовалось воды примерно столько же, сколько для снабжения такого города, как Харьков. В Жданове, кстати, пресной воды не хватает. Пришлось сооружать специальное водохранилище, в которое направляются вешние потоки.

Еще одно новшество: у листа по всей его длине специальными ножницами будет обрезаться кромка. Машиностроители получат лист совершенно чистым и готовым, это избавит их от трудоемких непроизводительных затрат.

Чтоб привести в действие всевозможные агрегаты, установки и свыше семидесяти мостовых кранов, потребовалось огромное количество электроэнергии. Владимир Владимирович Лепорский, директор «Азовстали», пригласивший меня в свой утренний объезд по заводу, показал машинный зал цеха, напоминавший своей насыщенностью двигателями, трансформаторами, быстродействующими выключателями и щитами солидную электростанцию. Энергия к нему поступает от специально построенной Ждановской подстанции — самой крупной в Донбассе. Словом, масштабы и техническая оснащенность нового комплекса таковы, что ими может гордиться любой руководитель современного металлургического предприятия. Однако мой спутник был явно озабочен. В чем дело?

— Видите ли,— заметил он, — если все у нас пойдет гладко с освоением и завершением строительства (вторая очередь комплекса должна быть сдана через год), то в этом, семьдесят третьем году мы дадим 350 тысяч тонн проката, в следующем — 1 350 тысяч, к финишу пятилетки — 1 750 тысяч тонн листа и плит. Но дадим ли?

— Что же вам может помешать?

— Внутри завода металла — слябов, слитков, заготовок — для нового стана нет. Мы на иждивении своего соседа по городу — завода имени Ильича. В этом году он нас прокормит, а потом? У ильичевцев на иждивении еще Липецкий завод. Конверторный цех там только начал строиться.

Тут я вспомнила свой разговор со старшим оператором Липецкого стана «2000», депутатом Верховного Совета СССР Ф. И. Богдановым: «Неровно у нас идет работа. Есть металл — все в порядке, нет металла — плохо. В общем, на голодном пайке». Какая же участь ожидает Н. М. Гайдука, Ю. И. Пригоду — всех, кто работает и будет работать на великолепном новом стане? Кстати, в цехе должны трудиться около двух тысяч человек.

— Существует несколько вариантов по обеспечению нас металлом,— развивал свою мысль Лепорский.— Но ни один из них не дает уверенности в завтрашнем дне. Говорят, что в первом квартале будущего года вступит в строй Криворожский блюминг и даст узкие слябы заводу Ильича. А завод Ильича направит нам свои широкие слябы. Но так ли это будет? Через год стану «3600» потребуется уже два миллиона тонн слябов. Заводу Ильича это будет не по силам. Кто даст нам металл? Полная неясность. А еще ведь понадобится металл Харцызскому трубопрокатному заводу.

— Простите, а почему же не строится на вашем заводе кислородно-конверторный цех, предусмотренный Директивами XXIV съезда КПСС?

— До сих пор нет даже его проекта. Проектировщики поздно взялись. Имеются разногласия по ряду технических проблем.

Вот оно, неожиданное послесловие к празднику пуска стана «3600»... Иду в ждановский филиал «Укргипромеза», благо его представители находятся тут же, при штабе стройки. Что там скажут по этому поводу?

Ю. П. Уханов, главный инженер проекта. Мы не имеем исходных данных по проектированию кислородно-конверторного цеха «Азовстали». Министерство черной металлургии СССР предложило строить его таким, как в Липецке. Наш институт «Укргипромез» обнаружил в липецком проекте ряд обстоятельств, которые не позволяют им воспользоваться. Все упирается в УНРС, установки по непрерывной разливке стали. Неудачна их конструкция. Даже сам изготовитель УНРС, завод «Уралмаш», не рекомендует ими воспользоваться, а от типа УНРС зависит очень многое, вплоть до компоновки здания. Пока идут эти утряски, мы должны к первому сентября 1973 года представить техническую документацию для начального периода строительства: на ремонтно-механический и известково-обжиговый цеха, подъездные пути, насосные станции, кислородные блоки...

Какова же точка зрения Министерства черной металлургии УССР? Его представитель тоже тут, входит в оперативную группу ЦК КП Украины и Совмина УССР на стройке.

В. О. Куликов, заместитель министра. Все будет нормально. В семьдесят четвертом и семьдесят пятом годах обеспечение стана «3600» металлом пойдет по схеме: Криворожский блюминг — завод Ильича — «Азовсталь». К тому времени можно успеть кое-что сделать. Во-первых, можно интенсифицировать работу конверторного цеха завода Ильича и поставить там четвертый конвертор, благо место для него там есть. Во-вторых, целесообразно на самой «Азовстали» строить не конверторный цех, а электросталеплавильный с электропечами. «Укргипромез» должен к 15 июля (то есть всего за месяц — не мало ли времени? — **Г. К.**) представить проработку этого вопроса. Наконец, в-третьих, конверторно-кислородный цех—программа-максимум. Как видите, есть программа-минимум, осуществимая в более короткие сроки, и программа-максимум. Лепорский настаивает на программе-максимум.

Обмен мнениями, бесспорно, — вещь полезная, но он уместен больше всего на совещаниях, злоупотреблять которыми тоже не следует. Беда в том, что дискуссии затянулись сверх всяких регламентов и идут во вред делу. Нельзя допустить, чтобы образовался разрыв между сталеплавильным и прокатным производством. Стан «3600», в который ценой трудового подвига строители вдохнули жизнь, с каждым днем набирает силу. Он должен работать на полную мощность и безостановочно!

ИЗ ПОЧТЫ «ОГОНЬКА»

ЕСТЬ ПЕРВАЯ ДЕТАЛЬ

На нашем снимке токарь Н. И. Ягуткин. В руках у него кронштейн задней рессоры камазовского автомобиля. Чем замечательна эта деталь? Почему так бережно держит ее Николай Иванович?

Кронштейн этот — первая деталь, которая была изготовлена на новеньком токарном станке первой действующей линии корпуса вспомогательных цехов ремонтно-инструментального завода. И честь проточить драгоценный кронштейн выпала на долю коммуниста Ягуткина, уральского умельца, приехавшего в Набережные Челны из Свердловской области по приглашению дирекции Камского автомобильного комплекса...

Итак, РИЗ КамАЗа выдает продукцию. Детали, подобные той, что вы видите на снимке, будут использоваться при наладке оборудования на станкостроительных заводах страны, производящих технологические линии для автогиганта на Каме.

А. ШИКИРЗЯН

Фото автора.

В. И. Ленин
и В. Д. Бонч-Бруевич
в Кремле.
1918 год.

К 100-летию
со дня рождения
В. Д. Бонч-Бруевича

БОЕЦ ЛЕНИНСКОЙ ГВАРДИИ

Вся долгая жизнь В. Д. Бонч-Бруевича (он умер в 1955 году) была отдана служению делу партии, борьбе за свержение самодержавия и торжество социалистической революции, строительству молодого Советского государства и выполнению ленинских заветов в области науки и культуры. Большевистское подполье и политическая эмиграция, организация партийных газет и издательств, активное участие в трех русских революциях, работа на посту первого управляющего делами Совнаркома, создание крупных научных и литературных учреждений — все это вехи деятельности В. Д. Бонч-Бруевича, в котором, как и во многих других представителях старой ленинской гвардии, счастливо соединились профессиональный революционер и государственный деятель, ученый и литератор.

Советские люди благодарны В. Д. Бонч-Бруевичу также за то, что в своих воспоминаниях он с предельной точностью и большой теплотой донес до нас факты жизни и деятельности В. И. Ленина, дорогие черты образа вождя.

В своем архиве В. Д. Бонч-Бруевич сохранил письма и записки Владимира Ильича Ленина как времен подполья и эмиграции, так и периода работы в Совнаркоме. Передавая эти бесценные реликвии в Институт Ленина (ныне Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС), Владимир Дмитриевич сделал к ним короткие пояснения, рассказывающие о том, при каких обстоятельствах было написано В. И. Лениным то или другое письмо. Две записки В. И. Ленина с комментариями В. Д. Бонч-Бруевича мы сегодня предлагаем вниманию читателей. Написанные, казалось бы, по частным вопросам, они хорошо показывают стиль работы Председателя Совнаркома.

* * *

Владимир Дмитриевич!

Вот план тех комнат, куда Мальков хочет перевести СНК.

Прошу Вас и Лидию Александровну осмотреть и обдумать, стоит ли?*

(1) Топка будет дьявольски дорога.

(2) Удобно ли там будет с приемной?

(3) Нельзя ли остаться здесь? т. е. не будет ли **чересчур** *холодно? Позвать печника и выяснить.*

Привет! Ленин.

Владимир Ильич дату на этой записке не поставил. Определяем ее по моей пометке о получении: «14/IX 1918 г.». Очевидно, Владимир Ильич писал записку в этот же день. Записка эта, как мы видим, написана на пятнадцатый день после его ранения эсеркой Каплан, когда Владимир Ильич только что начал понемножечку принимать участие в делах. Все стремились показать свои лучшие чувства к Владимиру Ильичу. И комендант Кремля, матрос с корабля «Аврора», тоже хотел выказать особое участие к Владимиру Ильичу. Он возымел желание перевести Совнарком во дворец: там, он находил, быть Совнаркому пристойнее. Несмотря на то, что я неоднократно доказывал ему, что помещение Совнаркома вполне достаточное и что заседания его никогда не бывают столь многочисленны, чтобы происходить в огромных залах дворца, он все-таки проник к Владимиру Ильичу и настойчиво предложил перевести Совнарком в Большой Николаевский дворец, предоставив план тех комнат, где нужно было разместиться.

Я осмотрел еще раз эти комнаты, хотя и раньше их прекрасно знал, и категорически отклонил предложение коменданта Кремля т. Малькова.

Я успокоил Владимира Ильича насчет топки помещения Совнаркома, уведомив его, что нужное количество дров запасено, печи все осмотрены и все будет в порядке. Владимир Ильич согласился со мной, и Совнарком остался на старом месте, а дворец через год стали приспосабливать к заседаниям сессий ВЦИКа и других т. п. многолюдных собраний Правительства, Партии, III Интернационала и пр.

* Л. А. Фотиева.

* * *

Когда совершилась Октябрьская революция, Владимир Ильич вскоре обратил внимание, что исполнение законов, особенно в провинции, очень слабое. Не только обыватели, но и представители власти на местах, а также работники разных комиссариатов и других учреждений в центре, нередко совершенно произвольно толкуют законы и самочинно отменяют их или просто не выполняют. Этому настроению очень помогали анархисты, довольно широко проявившие себя в первый год Октябрьской революции, пока они не были окончательно ликвидированы органами юстиции, ВЧК и Уголовного розыска. Всем этим мелкобуржуазным настроениям, сильно господствовавшим в обывательской — городской и сельской — массе, всегда способствовали и меньшевики и эсеры, которые в неповиновении новым законам думали найти поддержку своих взглядов, что Октябрьская революция неприемлема для большинства населения России, в чем они, как показала сама жизнь, жестоко ошиблись. Однако надо было внедрять новую законность в население. Владимиру Ильичу по этому поводу была доставлена брошюра, и он прислал ее мне после своего просмотра, со следующей запиской:

11. XII. 1918 г.

Дорогой В. Д.!

Посылаю Вам брошюрку об исполнении законов. Составьте заглавие пояснее, поярче, погромче.

И издайте **поскорее.**

Ваш Ленин.

Я тотчас сдал ее в набор, дав ей простое и ясное заглавие: «Исполняйте законы Советской республики!». Владимир Ильич вполне одобрил это название, под которым эта брошюра и вышла в свет...

Евгений АНТОШКИН

Цветы земли

ПОСВЯЩЕНИЕ МОРЮ

Р. И.

Море не любит пустой суеты.
Море в привычном движении вечно.
Снова сливается говор волны
С мягкой твоею латышскою речью.
Спросишь у моря:
— О чем ты шумишь?
Сосны подходят к тебе ярусами...
Вижу, на дюнах ты снова стоишь,
Словно летящая под парусами.
Вешнего солнца играют лучи —
Быстрые радостные веретенца.
Словно для невода пряжу сучит
В вечной заботе бессонное солнце.
Смотришь с замедленной пленкой кино:
Море волну погоняет беспечно.
Все, что на свете быть вечным должно,
Все и останется вешним и вечным.
Ты в свое сердце любовь зарони,
К людям она долгим эхом
вернется.
Сколько хорошего сердце хранит
И от любви переполненно бьется.
Вот оно властно тебя позовет...
Радостью в сердце опять отзовется
Все, что, как песня, на свете живет,
То, что, как песня,
в душе остается.

* * *

...А может, он не настоящий,
Тот человек, во мгле парящий
Между Вселенной и Землей
С улыбкой доброй и земной.
Он все приборы и предметы
Свободно плавать научил.
В скафандр космический одетый,
Легко их ловит,
как мячи.
Он может шар земной подкинуть...
Тянусь к приемнику рукой —
И снова слышу звуки гимна
Над пробудившейся землей.
И сам вдруг становлюсь крылатым,
По звездам путь ищу
в ночи.
А век стремительный —
Двадцатый
О новом подвиге кричит.

ДОРОГА

Борису Леонову.

Меня дорога уводила
Еще неведомо куда.
Она во мне тогда будила
Страсть к уходящим поездам.
Я на машине долго ехал,
Уткнувшись головой в узлы.
И только гул бежал,
как эхо,
Чуть не касаясь головы.
Деревья то вдруг появлялись,
То исчезали без следа.
Я только слышал,
как цеплялись
Они ветвями за борта.
Меня изрядно измотало.
Но вот тряхнуло кузов зло.
И лязг рассерженный металла
Вошел мне в уши тяжело.
И я на землю спрыгнул лихо
И робко посмотрел кругом.
Мне показалось,
Все вмиг стихло.
Но вновь зашевелился гром.
И люди шли, в толпе мешаясь,
И проносились поезда.
И эта станция большая
Была делами занята...
Когда колеса застучали,
Лес, спотыкаясь, побежал,
Я понял,
Что в иные дали
Теперь мой путь уже лежал.
И, выглянув в окошко робко,
Я вдруг увидел в темноте:
Деревья те же,
те же тропки
И навсегда уже не те.
Мелькали светофоры,
шпалы —
Счастливый мне сулили путь.
Но что-то к горлу подступало
И что-то холодило грудь.
И уезжать мне было странно...
Еще я знать тогда не мог,
Что станет этот полустанок
Началом всех моих дорог.

ВОЙНА

Когда в селе остановился
К передовой идущий полк,
Военный люд к нам
так набился —
Трещал под сапогами пол.
А мать у печки хлопотала,
В огонь толкала чугунки.
— Да вы хотя присядьте малость,
Сейчас я быстренько, сынки.
И в погреб снова шла с лукошком,
Чтоб побыстрей,
Рысцою шла.
Пока была еще картошка,
Пока была,
Еще была.
Ведь где-то,
За стеной метельной,
Сынок такой же, рядовой.
Он тоже где-то там,
Под Ельней,
На самой той, передовой.
Он сам на фронт попасть старался...
И пили кипяток пока,
Сынок довольный улыбался —
Ходило фото по рукам.
И зябко поводя плечами
И проклиная холода,
Солдаты пили и молчали,
Еще идущие туда.

* * *

Цветы, цветы!
Они стоят, как люди.
А я по лугу, по цветам
иду.
Откуда здесь он —
Золотистый лютик?
О чем поет
В заброшенном саду?
В наряд свой незатейливый оделся
И по утру решил в луга пойти.
Встал у ручья
И в небо загляделся.
И стал тихонько в вышину расти.
Ты посмотри!
Какое это диво:
Он рвется вверх,
Он хочет улететь.
И листья на ветру дрожат красиво,
Как будто бы распутывают сеть.
Он в этот час цветет еще прекрасней,
Чтоб ты его сумела рассмотреть,
Сорву его, и он на миг
погаснет
И станет, засыпая,
каменеть.
Налей скорей в кувшин
живую воду,
Он оживет,
Он станет воду пить...
Ты говоришь,
Что не познать природу.
Он тайную тебе укажет нить...
Откуда вы,
Возникшие, как пламя,
Цветы земли,
Что я собрал в букет?
Забвение навек вы
Или память?
Или последний миг,
Последний след?
Или все то,
Что сглажено летами,
Все, что любил
И все, что не сберег,
Теперь взошло горящими цветами,
За боль утрат,
За тяготы дорог.
Они растут у мест, политых кровью,
Они — в руках влюбленных
и невест...
Цветы земли
родного Подмосковья,
Цветы
приокских вечно милых мест.

КАМНИ

Мудрейший,
Не спеши кричать:
— Все в бездну канет!..
Ты научи меня молчать,
Молчать, как камень.
Его положишь на ладонь:
В нем ветры,
ветви.
В нем прячется внутри
огонь
Тысячелетья.
О камни, спящие в пыли,
Вы все постигли.
И тайны всех веков земли
Сожгли,
как в тигле.
И Млечным тянется Путем
Над ними время.
В сравненье с ними —
ты дитё,
Сухое семя.
Себя ты чародеем мнишь,
В мечтах витаешь.
И камень сумрачно дробишь —
В любви пытаешь.
Пока он заколдован,
спит...
Но под руками,
Как божество, заговорит,
Проснувшись, камень.

ШАГ В БЕССМЕРТИЕ

Т. БЕРЕГОВЕНКО,
Л. КОЗИК

В «Огоньке» от 25 апреля 1941 года была опубликована фотография молодой девушки. В подписи говорилось, что это лучшая трактористка села Ясеница-Сильная, Дрогобычской области, депутат областного Совета депутатов трудящихся, комсомолка Наташа Алексовская.

Наталке было тогда восемнадцать лет...

Каждый раз, когда в родную хату приходили к отцу Николаю Яковлевичу друзья-коммунисты, девушка прислушивалась к их разговорам. Не раз читала тайком газеты и брошюры. И ждала... Ждала перемен, ждала свободы, новой жизни. И она, та долгожданная новая жизнь, пришла осенью 1939 года.

— Теперь, дочка, заживем,— сказал отец, как только по селу пролетел слух о приближении Красной Армии.— Будем теперь работать не на пана — на себя. На свое государство!

Вскоре после того, как народ западных областей Украины проголосовал за воссоединение с Украинской ССР, жители Ясеницы-Сильной объединились в колхоз. Николая Яковлевича избрали бригадиром. Наталка тоже пошла в полеводческую бригаду. И вот однажды услышала, что в колхоз присылают два трактора. Побежала Наталка в правление, влетела в председательский кабинет.

— Пошлите меня на трактористку учиться!

— Как Паша Ангелина хочешь?— улыбнулся председатель колхоза В. Н. Калапунь.— А почему нет? Пусть и у нас будет своя Паша!

Люди по-разному отнеслись к решению Наталки. Кое-кто предостерегал: «Грех великий, Наталка! Земля испокон веков к лошади привыкла. Зачем ей трактор? Да и не женское дело —машиной управлять. Что у нас, хлопцев нема?»

Но когда Наталка после окончания курсов впервые выехала в поле на новеньком гусеничном, сбежалось все село — и малые и старые. И все изумленно глядели, как стальной конь прокладывает борозду. Брали в руки комки, разминали. «Хорошо!..»

А Наталка, раскрасневшаяся, взволнованная, гордо сидела за рулем, изредка оглядываясь: пряма ли борозда?

Зимой Наталка вместе с членами комсомольской ячейки учила грамоте старших односельчан, рассказывала, что теперь пишут в газетах, читала им книги. С особенным удовольствием слушали селяне произведения Ивана Франко, своего земляка, который родился в соседних Нагуевичах, а учиться ходил в Ясеницкую школу. Не раз ночевал будущий писатель в хате Наташиного дедушки Якова. Заезжал и когда стал взрослым и знаменитым. И даже вместе с дедушкой основал в Ясенице-Сильной народную читальню «Просвіту», которой подарил немало своих рассказов и стихов.

Вспоминали люди писателя, радовались переменам, что происходили у них на глазах. Еще и года не прошло, как установилась Советская власть, а в селе уже открылся медпункт, в хатах заговорило радио, почта начала доставлять газеты и журналы на родном украинском языке. Все это радовало и Наталку, захлестывало новизной, желанием работать, делать больше. И люди оценили Наталкину охоту к делу, умение и желание помочь им. И выбрали ее депутатом областного Совета...

И вдруг все оборвалось: грянула война. В первые же дни ее тяжкий грохот донесся до Ясеницы: граница рядом. Надо уходить. Наталка понимала это. А трактор? Неужто бросить дорогую машину? Какой же она депутат, если оставит ворогу народное добро! Наталка завела мотор и погнала машину к ближайшей воинской части.

Дежурный по штабу 18-го артиллерийского полка Василий Кондрашов доложил командиру:

— Там какая-то чудачка, товарищ майор. На тракторе. Требует зачислить в часть!

— Пусть остается бойцом-добровольцем,— подумав, решил командир полка майор Галан. — Будет возить тяжелые орудия своим трактором.

Так началась Наталкина солдатская служба. Многое пришлось пережить ей. Бои, походы, бессонные ночи, гибель товарищей. Артиллеристы бились под Киевом, под Рославлем...

Не раз Наталке, рискуя жизнью, приходилось выручать товарищей...

Под Рославлем полк долго удерживал позиции, отбиваясь от наседавших танков врага. Одно за другим выходили из строя орудия.

Израненные артиллеристы начали было снимать замки с орудий: вытащить их с позиции, переправить на другой берег реки, через которую предстояло переправиться полку, невозможно. И вдруг на позиции появился трактор. На нем ехала Наталка. Она под огнем привела свою машину к орудиям и вот уже на полной скорости, гремя гусеницами, стальной конь тащит их на противоположный берег.

Потом были бои на гжатском, на можайском, на малоярославецком направлениях. И всюду рядом с воинами — отважная комсомолка на верном своем стальном коне. Потом Волховский фронт. Участие в прорыве блокады Ленинграда. И тут Наталке Алексовской пришлось расстаться со своей «боевой машиной». Как это случилось, подробно рассказала армейская газета «Фронтовая правда» 8 марта 1942 года. Военный корреспондент, ныне известный писатель Александр Чаковский, писал: «У деревни Н. К. в болоте завязло 30 наших автомашин. Свыше 20 вражеских самолетов начали бомбежку автоколонны. Алексовской было поручено вытянуть машины из болота. И здесь еще раз обнаруживается, что маленькая, говорливая девушка обладает дьявольской выдержкой, исключительным хладнокровием и презрением к опасности. Методично, машину за машиной вытаскивает она на дорогу. Алексовская словно не слышит разрывов бомб. Только один раз, когда воздушная волна ее сбрасывает с трактора, ей кажется, что все кончено, что она погибла и задание не будет выполнено. Но это длится всего несколько секунд. Убедившись, что она невредима, Наташа снова берется за руль. Наконец 29 машин выведены на дорогу. Осталась последняя — тридцатая. В эту минуту Алексовская видит, что группа фашистов перерезает ей путь. Дальнейшие события развертываются молниеносно: Алексовская швыряет во врагов гранатой, выстрелом из нагана пробивает бензобак, зажигает трактор и вместе с шофером последней автомашины скрывается в лесу».

Вечером, доложив майору Галану о выполнении задания, Наталка, помолчав, робко спросила:

— А теперь что мне делать, товарищ майор? Трактор-то погиб...

— Ничего, дочка,— усмехнулся майор.— Хватит с тебя передовой. Ступай в санбат. Доктору как раз медсестра требуется.

Летом 1942 года часть, в которой служила Наташа, попала в окружение. Дивизионный комиссар Иван Васильевич Зуев, возглавивший группу прорыва, перед тем как выступить, собрал коммунистов. Сначала были распределены обязанности на предстоящий прорыв. Каждый коммунист получил задание. Потом Зуев зачитал заявления комсомольцев. Среди них и Алексовской.

— Так ты с Львовщины? — спросил Наталку комиссар. — И я там служил. С тридцать девятого, как пришел с Красной Армией.

— А я вас знаю,— отозвалась Наталка.— Голосовала за вас в Верховный Совет Украины.

— Значит, мы с тобой земляки,— улыбнулся комиссар. И, обращаясь к собравшимся, спросил:— Ну как, товарищи? Примем бойца Алексовскую в партию? Кто «за» — прошу голосовать!

Наталка затаила дыхание. Но коммунисты все как один дружно подняли руки. А через час ударная группа во главе с комиссаром Зуевым пошла в бой и проложила дорогу к своим через вражеские боевые порядки. Но не всем удалось добраться до своих. Многие сложили головы на болотистой новгородской земле. И среди них Наташа Алексовская, та самая, чей снимок был опубликован в «Огоньке» накануне войны.

г. Львов.

Валентин СИДОРОВ

РУССКИЙ ДРУГ ИНДИИ

Джавахарлал Неру и Индира Ганди в гостях у Н. К. Рериха в 1942 году.

Выступая на посмертной выставке русского художника в Дели, Джавахарлал Неру говорил: «Когда я думаю о Николае Рерихе, я поражаюсь размаху и богатству его деятельности и творческого гения. Великий художник, великий ученый и писатель, археолог и исследователь, он касался и освещал множество аспектов человеческих устремлений. Уже само количество картин изумительно—тысячи полотен, и каждое из них — великолепное произведение искусства. Когда вы смотрите на картины Рериха, из которых многие изображают Гималаи, кажется, что вы улавливаете дух этих грандиозных гор, которые веками возвышались над равнинами и издревле были нашими стражами. Картины художника так много напоминают нам из нашей истории, нашего мышления, нашего культурного и духовного наследства, так много не только о прошлом Индии, но и о чем-то постоянном и вечном, что мы не можем не чувствовать большого долга перед Николаем Рерихом, запечатлевшим этот дух в своих изумительных произведениях».

Дымкой легенды овеяна воистину подвижническая жизнь Николая Рериха. В наш XX век, век торжества узкой специализации, фигура Рериха представляет уникальное, фантастическое явление. По универсальности духа, по синтетическому складу своего гения он вызывает в памяти великих творцов Ренессанса.

Ученик Куинджи (воспитанник сохранил о нем благоговейную память до конца дней своих; он называл его учителем с большой буквы, Учителем жизни), Рерих воспитывался на лучших традициях русского реалистического искусства. Самобытность его дарования проявилась рано. Его полотно, написанное на сюжет древнерусской истории,— «Гонец» и представленное в Академию художеств в качестве дипломной работы, стало настоящей сенсацией. Оно поражало точностью психологического вйдения времени, оно поражало тревожным напряжением красок. Тут же на конкурсной выставке Академии художеств картина была приобретена для своей галереи тонким знатоком живописи П. М. Третьяковым.

Так называемый «русский период» Рериха—особая глава его творческой биографии. Здесь начало всех начал, исток всех истоков художника. Одна за другой появляются картины Рериха. В них причудливо сочетаются современность и история, фантастика и реальность. Он с успехом осваивает не только опыт ближайших своих предшественников, но и технику древних иконописцев. Современников восхищает одухотворенность его полотен, их поэтическая пластичность и целостность. «Держава Рериха»—так говорил Леонид Андреев об этом мире звучащих красок, мире, где царствовала «магия знака, линии и цвета». Это был мир ощутимой реальности, но лишенный прямолинейной и грубой конкретности натурализма, мир, насыщенный глубокой символикой. Непосредственно перед первой мировой войной художник пишет картину с откровенно аллегорическим названием—«Град обреченный». Именно она дала повод Алексею Максимовичу Горькому назвать Рериха «величайшим интуитивистом» современности.

Уже в те годы тяга к Востоку, устремленность к духовным высотам его определяют творческий поиск Рериха. Восточная мудрость становится неотъемлемой частью внутреннего мира художника. Она дает истинное своеобразие его творчеству. Рабиндранат Тагор увидит особое духовное сродство с Индией в стихах, написанных Рерихом задолго до того, как он поселился в Индии. Но, разумеется, здесь не может идти речи о стилизации или подражании чужим образцам. Духовные сокровища индийской культуры переосмыслены, переплавлены творческим «я», обогащены неповторимой индивидуальностью художника. Скорее здесь может идти речь о той характерной черте истинно русского таланта и гения, которая особенно ярко проявилась в Пушкине и которую принято называть «всемирной отзывчивостью».

Рерих вынашивает планы научной экспедиции на Восток с целью «проникнуть в таинственные области Азии, в тайны философии и культуры безмерного материка». Первая мировая война помешала этим планам. Помешала, но не сорвала. В 1923 году началась экспедиция Рериха по маршруту «великого Индийского пути», экспедиция, которая явилась продолжением, развитием, завершением исследований великих русских путешественников: Пржевальского и Семенова-Тян-Шанского. Она достигла таких пунктов Тибета и Гималаев, куда не ступала нога европейца.

Путешествие Рериха в центральные области азиатского континента длилось пять с лишним лет и делится на два этапа. Летом 1926 года путешествие было прервано: художник и его семья направляются со специальной миссией в Москву. Уже на первом этапе пути произошли знаменательные встречи и события, которые заставили Рериха отложить на время научные исследования.

В Москве Николай Рерих был принят Луначарским и Чичериным. Он передал представителям Советского правительства послание махатм (учителей) индийского народа. В биографии Рериха, вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей», приводится текст этого письма:

«На Гималаях мы знаем совершаемое Вами. Вы упразднили церковь, ставшую рассадником лжи и суеверий. Вы уничтожили мещанство, ставшее проводником предрассудков. Вы разрушили тюрьму воспитания. Вы уничтожили семью лицемерия. Вы сожгли войска рабов. Вы раздавили пауков наживы. Вы закрыли ворота ночных притонов. Вы избавили землю от предателей денежных. Вы признали, что религия есть учение всеобъемлющей материи. Вы признали ничтожность личной собственности. Вы угадали эволюцию общины. Вы указали на значение познания. Вы преклонились перед красотою. Вы принесли детям всю мощь Космоса. Вы открыли окна дворцов. Вы увидели неотложность построения новых домов Общего Блага! Мы остановили восстание в Индии, когда оно было преждевременным, также мы признали своевременность Вашего движения и посылаем Вам всю нашу помощь, утверждая Единение Азии!»

Николай Константинович передал также Чичерину от имени тех же махатм ларец со священной для индийцев гималайской землей «на могилу брата нашего махатмы Ленина». Так было сказано в послании.

Это был не просто акт символического значения. С высоты нашего времени становится понятным, что это был акт пророческого предвидения, закладка камня в фундамент индийско-советской дружбы, которая ныне является столь важным фактором мира во всем мире.

Второй этап экспедиции готовился при активном содействии советских властей. На втором этапе путешественников ждали наибольшие осложнения и трудности. На северном нагорье Тибета (в нескольких переходах от Лхассы—столицы Тибета) Рерих и его спутники были остановлены вооруженным отрядом кочевников. Началась настоящая осада. Путешественники очутились в условиях суровой зимы, на высоте четырех тысяч метров, в летних палатках, без топлива и теплого белья. А морозы стояли такие, что замерзал коньяк во флягах. Пять месяцев был отрезан караван Рериха от внешнего мира. На все вопросы лхасское правительство отвечало молчанием.

Было ли это самоуправством местных властей, случайностью, как полагал в свое время Рерих? Документы, ставшие достоянием гласности теперь, говорят решительно: нет. Это была преднамеренная акция английских колониальных властей и британской разведки. Визит Рериха в Москву не остался тайной для британской разведки. Недоверие к Рериху переросло в прямую враждебность. У страха глаза велики, и воображение британских чиновников рисовало художника большевистским эмиссаром, имеющим секретное задание установить коммунистическое правительство в Тибете. Сорвать экспедицию — вот чего добивалась английская тайная служба, рассчитывавшая на гибель участников экспедиции в суровых условиях и в стычках с кочевниками. Совершить преступление чужими руками, сделать вид, что они ни при чем,— это был излюбленный прием британских властей. На прямую вооруженную акцию они пойти не могли: слишком известно было имя Рериха во всем мире. И после пяти месяцев проволочек, молчания, недомолвок британские чиновники были вынуждены отступить перед несгибаемой волей Рериха и его спутников. Экспедиция продолжила путь. Хочу перечислить имена участников этой легендарной экспедиции: Николай Константинович Рерих, его жена Елена Ивановна, правнучка фельдмаршала Кутузова, унаследовавшая героический дух своего предка, их сын — знаменитый ученый-востоковед Юрий Николаевич Рерих и две девушки-казачки, связавшие свою судьбу с семьей Рериха, Людмила Михайловна и Ираида Михайловна Богдановы.

В конце двадцатых годов Рерих поселился в долине Кулу, у подножия Гималаев. Он основывает Гималайский институт научных иссле-

С. Рерих. ПОРТРЕТ Н. К. РЕРИХА. Государственная Третьяковская галерея.

Н. Рерих. 1874—1947. СТРЕЛЫ НЕБА — КОПЬЯ ЗЕМЛИ. 1915. Туркменский Государственный музей изобразительных искусств.

Н. Рерих. ГУГА ЧОХАН. 1931.

Государственная Третьяковская галерея.

Н. Рерих. НА ВЕРШИНАХ. Государственный художественный музей Латвийской ССР.

ГЭСЭР-ХАН. 1941. Из собрания И. М. Богдановой-Рерих.

дований. Начинается «индийский», самый зрелый, самый плодотворный период его творчества. Гималайская серия картин, запечатлевшая древних и вечных стражей Индии,— вершина мастерства художника. Исследователь творчества Рериха Н. Чукина пишет: «Временами горы Рериха напоминают минералы, излучающие цветовую энергию... От контрастного соседства воспламеняются, загораясь, краски. Полыхает красное марево диковинных горных закатов и восходов, интенсивно фосфоресцируют бархатисто-синие дали. Не случайно поэтому создается впечатление, будто художник пишет растертыми драгоценными камнями: кораллами, лазуритом, янтарем, изумрудами». Но, разумеется, не только над пейзажами трудится кисть прирожденного певца гор. Его творческим воображением владеют «всенародные, прекрасные и достоверные образы», ставшие легендарными в умах людей. Напряжение борьбы сил света и тьмы, столкновение светлых и темных стихий, земли и неба — вот основная тема творчества художника. Рерих с полным правом мог назвать свой стиль стилем «героического реализма».

Приблизительно и условно разделение творчества Рериха на два периода, бытующее у искусствоведов,— на «русский» и «индийский»: в «русский» период он неоднократно обращается к индийским сюжетам, а на склоне лет, в разгар увлеченной работы над гималайской серией, пишет знаменитые картины на русские темы: «Сергий-строитель», «Святогор», «Настасья Микулична». Точнее существо дела выразил сам художник, когда внес в записную книжку слова: «Повсюду сочетались две темы — Русь и Гималаи».

Рерих счастливо соединил в себе два истока. Его творчество, органически сочетая русские и индийские мотивы, стало своеобразным мостом между двумя странами, а имя его превратилось в символ единения двух великих культур.

Среди сверкающего великолепия гималайских снегов Рерих ощущал себя полномочным духовным представителем русского народа. К Родине обращены его сокровенные мысли: «Великая Родина, все духовные сокровища твои, все неизреченные красоты твои, всю твою неисчерпаемость во всех просторах и вершинах будем оборонять». Эти слова, звучащие так активно, наступательно, призывно, написаны Рерихом накануне гигантской схватки советского народа с фашизмом.

«Темные тайно и явно сражаются»,— любил напоминать Рерих. Ему была чрезвычайно близка мысль Толстого о том, что если силы тьмы и зла организованы, то тем настоятельнее необходимость сплочения сил добра и света. В статьях Рериха можно обнаружить прямую перекличку с этой мыслью: «К стыду человечества, силы тьмы весьма организованы, тогда как позитивные поиски затруднены многими блужданиями и неосмотрительными отравлениями».

Рерих раскрывает хитрую механику темных сил:

«Они бывают крепко организованы, очень изысканны и часто более находчивы, нежели сторонники правды. Они завладели первыми страницами газет; они умеют использовать и фильмы, и радио, и все надземные и подземные пути. Они проникли в школы и знают цену осведомленности. Они пользуются каждой неповоротливостью оппонента, чтобы сеять ложь для процветания зла... Правда, тьма рассеивается от света, но ведь этот свет должен быть интенсивнее тьмы, чтобы рассеять ее».

«Свет должен быть интенсивнее тьмы». Поэтому Рерих никогда не замыкался в творческом уединении от нужд и тревог века. Из далекого индийского селения он руководит широким общественным движением за подписание пакта о защите культурных ценностей во время войны, пакта, вошедшего в историю под именем Пакта Рериха. Как известно, этот документ лег в основу Международной конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, подписанной и ратифицированной многими странами мира, в том числе и Советским Союзом.

Почти четверть века прожил Николай Константинович Рерих в Индии. Он был дружен с выдающимися деятелями индийского народа: Махатмой Ганди, Рабиндранатом Тагором, Джавахарлалом Неру, Индирой Ганди. Восхищение высокой духовной культурой Индии диктовало Рериху нежные и прозрачные, исполненные света и любви строки:

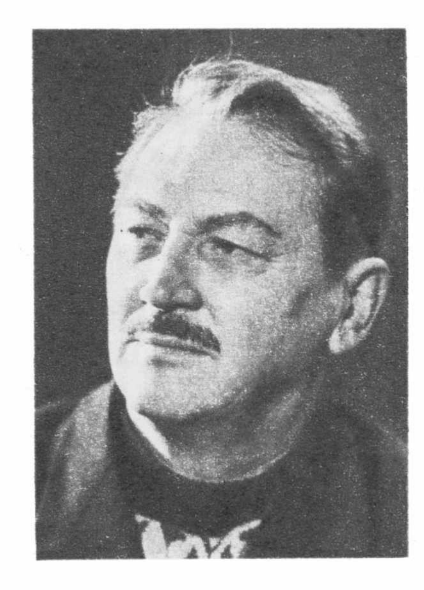
«Кто побывал в Индии не туристом, прохожим, но прикоснулся к сущности жизни страны, или, вернее, великого континента, тот никогда и нигде не забудет очарования великой Индии. Можно всюду выполнять различные полезные задачи, можно примениться к любым условиям, можно понять разные языки, но все же ничто не затмит необычное очарование Индии.

И сердце Индии отзывчиво там, где оно почует взаимность. Никакие слова и уверения не сравняются с великим знанием сердца. Зато и неизменен приговор сердца. Оно знает, где настоящее добро, под любою поверхностью сердце определит сущность. В Индии к этому сердечному языку прибавляется еще и неповторенная психическая чуткость. Даже на расстоянии вы можете взглянуть на кого-либо из толпы, и он сейчас же оглянется, как бы желая ответить. Сколько раз нам приходилось убеждаться в этой необыкновенной чуткости!

Невозможно чем-либо насильственным или противоестественным развить в себе эту чуткость. Лишь веками, в великом ритме, в постоянном мышлении о предметах высоких развивается это чрезвычайное качество».

И сердце Индии было отзывчиво к подвижническому труду Рериха. Любовью окружено имя Рериха в Индии. Здесь и сейчас к его имени обязательно добавляют почтительно-благоговейное Гуру (Учитель). А над местом окончательного упокоения художника (он умер в 1947 году, накануне возвращения на Родину; уже были упакованы и приготовлены к отправке сотни его картин, по завещанию художника, они переданы в дар нашему народу) высится камень-обелиск с краткой, величественной надписью: «В декабре 1947 года здесь было предано огню тело Николая Рериха — великого русского друга Индии. Да будет мир».

К 60-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
СЕРГЕЯ ВОРОНИНА



ТВОРЯЩИЙ ДОБРОТУ

Первая его книга рассказов («Встречи») вышла в свет более четверти века тому назад. За прошедшее с той поры многолетие Сергей Алексеевич Воронин стал известным прозаиком, автором многочисленных рассказов, ряда повестей и романов на современную тему. Книги его читаются уже не одним поколением советских читателей, признаны они и за рубежом.

Равнодушной аудитории у Сергея Воронина нет да и быть не может. «Секрет» его контакта с читателями прежде всего в том, что писатель создает в своих произведениях широкую и яркую панораму современной нам нови, обогащая нас своим жизневедением.

Житейский опыт Сергея Воронина, обширный и разнообразный, складывался задолго до того, как он стал литератором. Учебные годы «фабзайца», последующая работа на заводах токарем, а затем техником в партиях по разработке новых трасс для прокладки железнодорожного полотна и, наконец, нелегкий труд газетчика в сельских районах — таков долитературный путь Сергея Воронина, видевшего, познававшего свою Родину на многих ее широтах — от Черноморья до Дальнего Востока, от Севера России до Урала.

Секрет прочного контакта писателя с читателями состоит и в том, что в его произведениях создана некая своя атмосфера идейных, нравственных и эстетических исканий, открытий, дорогих писателю убеждений, принципов, то есть тот пафос субъективности, говоря языком Белинского, без которого в произведениях не будет ощущаться душа художника, его личное отношение к изображаемой им жизни, душа гражданина, гуманиста, правдоборца, активного участника строительства нового мира.

Автор романов «Две жизни», «На своей земле», повестей «Ненужная слава», «Всего дороже», таких замечательных рассказов, как «Солнечная долина», «У начала начал», «Рассказ о войне», «История одной поездки» (не перечислить всех его превосходных рассказов!), Сергей Воронин как бы прокладывает людям дорогу к новой жизни, к необходимым силам обновления, зовет к укреплению в себе воинствующей, творящей доброты, жизнелюбия, жизнеутверждения. «Бывает такое состояние у человека, когда его правда перерастает страх угрожаемой смерти за нее», то есть за правду. «До чего же хороша жизнь!» — таков смысловой и эмоциональный тон всего романа «Две жизни», полного скорбных историй, тяжелых испытаний, переживаемых его героями. Но роман заряжен сильным током мужества, волеустремления таких людей, как Костомаров и Ирина, Алеша и Мозгалевский, Перваков и Лавров, дело которых превращается в их вторую жизнь, ибо работают они «для народа, а народ — это наша совесть и смысл жизни». Жалок тот человек, кто не сумел «пронести мечту о великом счастье, без которой невозможно жить...»

Открытая тенденция, вернее, открытая позиция автора не превращает художественные сюжеты рассказов в назидательные притчи. Рассказы динамичны по сути действий персонажей, которыми будто бы совсем не «управляет» автор: «И тут начался один из тех монологов, на которые способны только русские». Удивительно это умение писателя — не навязывать «своих» героев, а приближать их к духовному зрению читателя и как бы вместе с ним находить в этих с виду обыкновенных людях что-то важное, необходимое, интересное. А все это получается у Сергея Воронина оттого, что он вместе с героями своими радуется «открытому» им закону:

— Ах, какой это славный закон человеческого бытия — вера в хорошее!

Отсюда и скромная гордость, гражданская, патриотическая, гордость за человека нашей советской эпохи.

Неизбывен процесс обновления, преображения жизни.

Сергею Воронину должно продолжать свое любовное познание действительности, вновь и вновь доставлять своим читателям радость творческого соучастия в понимании жизни ради ее совершенствования.

В. СИДОРИН

ДАЛЬНЯЯ ПОЕЗДКА

Майя ГАНИНА

РАССКАЗ

Рисунки И. ПЧЕЛКО.

1

Она спустила ноги с койки, сразу ощутив равномерную качку, услышав шурканье волн по обшивке. Открыла дверь, сильно придерживая за ручку, загораживая вход. Коротко стриженная туристка в зеленом целинном костюме попыталась все-таки войти, рванула дверь дважды, но ничего не вышло.

— Пустите к себе на пол двух человек?—Туристка через ее плечо заглянула в просторную люксовую каюту.— На палубе очень холодно. Другие люксы пустили уже.

— Нет.

— Почему? — Туристка поставила носок кеды в оставшуюся еще щель.— Правда, очень холодно, девчата все попростужались.

Она молча затиснула дверь, повернула ключ. Та, в целинном костюме, побарабанила еще из озорства, потом ушла.

«Господи, да оставьте меня в покое!» Произнеся эту фразу про себя, она выругалась вслух и тяжко прослезилась. С детства внушали, что человек должен помогать человеку, что надо быть добрым. К тому же она совсем недавно была доброй, воспоминание об этой доброте еще оставалось в ней, еще управляло ее поступками, и сейчас ей пришлось сделать усилие, чтобы поступить вопреки.

Но смертельно невозможно было ощущать тут близко присутствие кого-то другого. Сейчас ей была необходима нора, куда можно заползти и исчезнуть.

Она повязалась старушечьим шерстяным платком, влезла в резиновые боты, натянула зеленую куртку с капюшоном. Одета она теперь была, как и все тут, только глаза были старые. У остальных, даже у немолодых пассажиров, в глазах стояло веселое нетерпение: «Я в Тихом океане, что дальше?..» Они легко сближались, еще вчера незнакомые друг с другом, с ней же не заговаривал никто.

Женщина вышла на открытую палубу. Волны огромно падали на нос, шумно орошая скобленые доски палубы, чугун кнехт и лебедку. Опять ударялись, вздымаясь, и снова опадали. И в этих маниакальных попытках, в этих ежеминутно неотвратимых обещаниях великого и отсутствии свершения существовало нечто, угнетавшее бессмысленностью. Неба не значилось: была серая рыхлая мразь, слившаяся с серой рыхлостью летевшей вверх воды.

Нагибаясь перед ветром, она прошла вперед, поискала, на что бы сесть. Но все было мокрым, и она села на свайку каната, сунула руки в рукава, съежилась.

Рвал и трепал холодный ветер, нос теплохода, возвышаясь над океаном, словно тек вперед. А океан уходил назад, мелко колыхаясь остренькими черными волнами. Слои тумана проходили над водой на разной высоте: плотные, имеющие верхнюю плоскость и нижнюю, словно льдины. На бушприт села чайка, замахала крыльями, закричала тоненько и зловеще: «Скри-и, скри-и...» Поглядела на женщину, повернув белую круглую голову, потом снова взлетела и стала взвиваться над водой, поворачиваясь так и так, словно лист бумаги, подхваченный ветром.

Стало светлее.

Оттого, что ветер напирал все с большей силой, вынуждая сопротивляться, напрягаться, было ощущение занятости. Снова появились чайки, планировали над палубой, потом молча обрывались вниз и снова взлетали с криками.

...«Кто такой... этот мужик у Баранова?» — спросила она Клавдию Ильину. «Не узнаешь?» — Та назвала фамилию и улыбнулась многозначительно, насмешливо. Они дружили уже лет двенадцать, Клавдия знала про нее много. «Вот как? — Она приподнялась, чтобы поглядеть еще.— Зачем он к нам?» «Матушка, он не впервые. Альтиметр мы для него изготавливаем. Он главный конструктор темы».

Немного полноватый для своих лет, потому выглядевший невысоким, белокурый, толстощекий, голубоглазый. Герой не ее романа, да она не с этим и разглядывала его. Он стоял, опершись тонкими пальцами о стол начальника бюро, потом прошелся по кабинету, чуть ссутулясь и вывернув плечи вперед. «Как шахтер»,— подумала она. Он остановился возле самого стекла кабинета и посмотрел, не видя, потом поднял голову, в глазах его мелькнуло любопытство, но тут же отвел глаза и даже покраснел. На тонкой желтоватой коже краска расползлась быстро и заметно. Баранов что-то сказал ему и засмеялся. Он тоже засмеялся, но уже отвернулся и больше не глядел.

Она опустила голову и стала работать, перенося кронциркулем размеры на чертеж, но внутри была по-детски довольна, что такая значительная личность остановила на ней свой взгляд.

Тогда ей было тридцать шесть, ему тридцать два. Он был довольно известным в их системе конструктором, кандидатом наук, она читала несколько его статей: своеобразно, резко написанные — ей тогда запомнился человек, стоящий за статьями.

Ветер стал теплее и реже. Обсохла палуба. Где-то начало появляться солнце. Океан поголубел, стал глаже и все неуклонно утекал назад, покачиваясь равномерно.

Впереди, прямо среди голубой воды, вдруг возникла черная конусообразная скала, перечеркнутая двумя полотнищами тумана. Рядом — еще такая же. Вулканы словно плыли в океане — ярко-черные на голубом, освещенные сзади ожиданием солнца. Видно было каждую складку камня, даже желтые подтеки серы у кратеров. Красиво — и она привычно подумала: «Обязательно надо с Митей...» — и будто ударилась. Снова съежилась, опустила голову на колени. Было, наверное, еще часа четыре, пассажиры спали.

Теперь ей даже самой непонятно, почему ее зацепил тот Митин взгляд. Вроде уже взрослая женщина, позади было и замужество и всякие сложные ситуации. Весь остаток дня она сидела, и думала о нем, и считала почти машинально. Перед концом работы она подошла к Володе и сказала, что необходимо сегодня пойти в «Будапешт».

Они сели за столик у зеркала в самом углу. И она следила за входившими. А когда наконец появился Митя и один, она толкнула Вовку: «Пригласи его к нам». Вовка сказал: «Понятно, но это пустой номер, старуха, точно. О нем известно, что он любит «простеньких», в Киеве у него романы исключительно с продавщицами газводы...»

Митя сел к ним за столик, они вместе пили и разговаривали, он смотрел, как она курит и ломается, ну, а она смотрела на Митино лицо, жадно стараясь понять, что там,— и слышала усталость, задерганность страшную за желанием выглядеть веселым и развязным. И еще — суховатость, или замкнутость, или, может быть, боязнь обнажить свою уязвимость. Где-то через час он достал таблетку и запил ее боржоми. «Пятерчатка,— ответил он на ее немой вопрос.— Голова болит». На виске у него заметно билась синяя жилка.

«Ребята,— сказал Володя,— мне пора. Сегодня у нас со Славкой ночная работа: халтурку добиваем, понимаешь? Он в десять придет». «Пошли»,— отозвалась она без охоты. «Посидите еще, оркестр хороший». Как ее осенило тогда сказать: «Да нет, я пойду тоже, я взяла листы тут чертить одному типу для диссертации». Вовремя сказала, потому что Митя сдвинул брови, почти одновременно произнес: «Извините, но я уезжаю через час, мне еще собраться надо».

Подозвали официантку, расплатились, она положила свои семь рублей тоже, чтобы он увидел: у них с Володей просто дружба. Разошлись. Митя уехал. Первые два месяца она ждала его приезда ежедневно, то и дело оглядывалась на кабинет начальника. Потом постепенно прошло.

Ко времени сдачи пробного образца Митя приехал, но после этого снова пропал. Альтиметр вместо него принимал другой представитель заказчика, а о Мите стало известно, что он лежит с тяжелым сердечным приступом. Спустя еще какое-то время заговорили, что он попал в психоневрологическую больницу: тяжелое нервное переутомление. Она посочувствовала по-человечески, но без личной заинтересованности.

К этому времени в ней вроде бы поиссякла жажда жалеть и жалеть кого-то; поэтому она спокойно решила, что в тридцать шесть не страшно и выйти из игры. Есть другие радости жизни. К тому же она любила свою работу.

Правда, похвастаться, что чувствовала призвание к приборостроению с детства, она не могла. В машиностроительный техникум во время войны она поступила просто потому, что студенты получали «служащие» карточки. «Станки» и «Машиностроение» она терпеть не

могла, «Сопромат» еле вытягивала на тройку. Первые две семестровые практики у них были на «Шарикоподшипнике», там они просто слонялись из цеха в цех, отогреваясь в термичке. Третья практика проходила на автозаводе, она попала в первый механосборочный, ее поставили к станку, и мастер каждый день записывал в наряде, сколько деталей она сделала.

До сих пор она помнит под ладонью скользкое тепло коробки скоростей и запах эмульсии, шипящей на синей стружке. Помнит азартную дрожь в руках, когда включала станок и носик резца тыкался в черную заготовку. Тогда она физически постигла цену времени: одна минута сорок секунд на обдирку и торцовку заготовки с двух сторон с перестановкой заготовки. Стоило это полторы копейки — «военных» полторы копейки! И все же она ухитрилась заработать в получку сто девяносто рублей, да пятьдесят рублей ей дали премии. Память о тех практиках дает ей сейчас подсознательное ощущение прочности позиции: «Черт с ним, выгонят из конструкторов, пойду на станок, еще больше заработаю!»

Главное, тогда, в цеху, она вдруг почувствовала себя включенной в сложную цепочку: справа человек, слева человек, сзади, спереди, сбоку—люди, и все они взаимодействовали. Это непростое движение поразило ее: дома, во дворе, в техникуме каждый был сам за себя, и все зависело от случая, от настроения окружающих. Любят тебя сию минуту или нет, дразнят, травят, презирают, или ты вдруг на какое-то краткое время выше остальных, тебе подчиняются. Среди ее подружек находилось много плавающих в этом аквариуме прекрасно: вовремя что-то про кого-то насплетничать, сочинить, овладеть вниманием, вырваться на поверхность и не давать себя оттеснить на дно. Девчонки наслаждались этими хитросплетениями, в ней же всегда жило примитивное стремление к покою, к простоте, к возможности не изображать из себя ничего иного, кроме того, что есть. Стремление жить по принципу: я тебя не трогаю, пожалуйста, не трогай меня.

Теперь она усвоила основную истину: вкалывай, как лошадь, улыбайся людям от души — и тогда жить можно. Так она и делала, попав после распределения на предприятие, выпускающее точные приборы. Как раз, когда она туда пришла, повсеместно «внедряли» скоростное резание. Появились резцы с напаянными пластинками твердого сплава, похожего на дольки шоколадной плитки; старенькие станки в цехах дрожали от баснословных скоростей, сливная стружка лезла сплошняком изпод резца, точно серпантины на елке в Доме союзов.

Начальство сразу поручило ей заняться геометрией резца и вообще внедрением скоростного резания, так как справедливо считало, что основные кадры отрывать на очередную кампанию не стоит, а от вчерашней учащейся все равно в отделе мало толку. Она с удовольствием целый день болталась в цеху, чувствуя себя не просто так, а при серьезном деле. Пробовали резцы с разными углами резания на разных скоростях и марках стали и вдруг открыли, что на такой-то скорости при такой-то марке стали стружка ломается и с положительным передним углом без канавки! Еще случилось несколько подобных совпадений, но выяснить, какая здесь закономерность, у нее не хватило знаний.

От начальника отдела она пошла с этими данными к главному инженеру, он долго и глубокомысленно изучал старательно вычерченный график, наконец дал ей письмо в НИИ к руководителю группы, занимающейся скоростным резанием. Руководитель проглядел материалы, довольно равнодушно сказал: «А черт его знает, какая тут закономерность и есть ли она... Этого вообще никто не знает». Результатом всех ее добросовестных поисков истины было то, что на очередном производственном совещании главный инженер упомянул ее в своем докладе: «Мы думали, что к нам пришел рядовой работник, а оказывается, мы приобрели инициативного, думающего технолога». Ей дали премию к Восьмому марта, и она купила тетке прюнелевые туфли. По рекомендации предприятия она поступила в вечерний институт, а когда перешла на четвертый курс, ее перевели в Главное конструкторское бюро.

Она сумела и в КБ не влезать в местные дрязги, по-прежнему безотказно «вкалывала», никого особенно не пуская себе в душу, и мало-помалу окружающие привыкли принимать ее такой, какой она была. Четыре года назад ее назначили ведущим конструктором с приличным окладом, она по-прежнему часто ездила в командировки. Ездить она любила, и даже отпуск проводила обычно с рюкзаком в постоянной компании туристов, своих сверстников.

С такими итогами она пришла к тридцати семи годам — так называемому «возрасту гения», ибо примерно в этом возрасте погибли Пушкин, Аполлинер, Жерар Филип... За себя она оставалась спокойной: не гений. Тем не менее в ее жизни этот возраст тоже должен был стать переломным.

2

Солнце было чистое и холодное, дул сильный ветер, волны по всей поверхности океана всплескивались неряшливыми, прозрачно-зелеными кучами. Ветер мешал стоять, но в каюту ей уходить не хотелось. Она оперлась о леер и глядела вниз, как белые шершавые борта теплохода расталкивают упругую, точно застывшее желе, монолитную даже в своем непокое воду. Появились два дельфина и пошли весело торопиться рядом, странно отфыркиваясь боками, по звуку — точно, как лошади. Здесь они были белобокие, а не черные, как в Крыму, и напоминали красивые большие игрушки, не верилось, что эти нарядные «рыбы» — мыслящие существа.

Она снова вспомнила, что нужно решиться,— в этом одном было освобождение и успокоение, непроизнесенная клятва, наконец. И тоскливо знала, что опять не хватит решимости.

На палубу высыпали позавтракавшие туристы, но быстро ушли с ветра в комнату отдыха, выходившую сюда стеклянным фонарем. Оглядываясь, она видела, как туристы читают газеты и журналы, как, пересмеиваясь, говорят что-то о ней. Ей так казалось, потому что, оборачиваясь, она непременно встречалась с кем-то глазами.

Тогда она пошла в буфет, посмотрев на витрину, взяла два стакана горячего кофе, сосиски, яйцо и кусок балыка. В ней вдруг проснулся волчий аппетит. Сев за столик, начала есть не торопясь, но жадно и опять заметила, что на нее странно смотрят буфетчица, судомойка и какой-то бородатый пассажир. «Они думают, что я ненормальная, а может, я и правда стала ненормальная?.. Что-то со мной происходит».

Она с трудом подавила в себе желание чтонибудь сказать им — не злое, но просто чтонибудь сказать, вроде «А я сейчас дельфинов видела. Глупые у вас какие-то дельфины». И постоять рядом с буфетчицей, как этот бородатый пассажир, уложив локти на прилавок.

Здесь вообще было тепло и уютно. Она представила это: как ей хорошо было бы там стоять — и облокотилась о столик, отодвинув тарелки и крошки и стараясь не улыбаться. Потом она словно бы увидела мать, но не такую, как на фотографиях, сохраненных для нее теткой, а пожилую, толстую, с одутловатым лицом. Тогда она смущенно ухмыльнулась и сказала: «А у меня желудок болит слева. Я и так умру». «Подожди помирать,— захохотала буфетчица.— Может, до хорошего доживешь? Клюнула с утра — и веселая, да?..»

Она выпрямилась, приходя в себя, и посмотрела на буфетчицу, пытаясь понять, говорила что-нибудь или нет. Но та повернулась к бородатому и улыбнулась пухлой щекой. «Надо лечь пойти»,— подумала она.

Пошла в каюту, легла и вдруг заснула и спала долго, а когда проснулась, теплоход стоял, было тихо, а по коридору мимо ее каюты топали чьи-то бесконечные ноги — вразнобой, точно с демонстрации возвращались.

Она вышла на палубу и остановилась, не очень соображая со сна, что происходит. За эти дни она привыкла видеть чистый океан, а тут глаз сразу ткнулся в одно белое длинное судно, потом во второе, такое же, и было много мелких каких-то, которые быстро, точно клещи по барханам пустыни, сползались к теплоходу. Еще виднелся недалеко серый берег и на нем поселок, закрытый серым дождем.

— Что это?— изумленно спросила она.

— А краболовы с путины пришли,— ответил кто-то.— В Петропавловск рыбаки торопятся, а мы не берем. Местов столько нету.

— Так чего ж мы не уходим?

— А высадка должна быть.

Крохотная баржа стукнулась в борт теплохода, снизу взлетел канат и, зацепившись петлей за гак, сразу натянулся. Тут же, один за одним, точно в пиратском фильме, по канату полезли люди, переваливались через борт на палубу, исчезали. Ощутив новый толчок, она оглянулась и увидела, что с другого борта подошло еще суденышко, с кормы — еще. И тоже взвились канаты, беря теплоход на абордаж, а люди быстро переваливаются через борт и как сумасшедшие бегут куда-то.

«Они же без вещей! — дивилась она.— А впрочем, какое мое дело...»

Пассажирский помощник что-то кричал с мостика в рупор, но в этом частоколе разновеликих голосов она не могла разобрать ни звука.

«Пойду поем»,— решила она и спустилась в ресторан. Она не удивилась, увидев тут всех людей, которые на ее глазах перелезли через борт. Они густо толпились возле официанток, совали им комки смятых денег, а некоторые уже уходили, странно разбухнув, и под пиджаками у них опасно перезванивало стекло и булькало.

Она села за столик, но официантка раздраженно сказала: «Не обслуживаем. Отойдем — тогда будем работать!» Она снова побрела на палубу. Недовольства никакого не чувствовала, наоборот, ей было покойно и так, будто наконец чего-то достигла.

Смеркалось, и дождь пошел сильней. На белых крабозаводах зажглись огни, и в поселке на берегу тоже загорелись крохотные, как клюквинки, огоньки. Сейнеров и барж возле теплохода уже не было.

К борту подошел катер, помощник что-то еще прокричал в рупор, стали опускать трап. На катере мелькнули круглые фуражки пограничников, началась посадка.

Она стояла в толпе у борта, свесившись вниз, тупо наблюдала, как ходит на высокой волне катер и как скрипя откачивается трап — то нависающий над кормой катера, то широко повертывающийся на воду. Человек в зеленой фуражке запрыгнул на нижнюю площадку трапа, и теперь, когда трап надвигался на катер, он ловко втаскивал очередную женщину с узлами, она вцеплялась в поручень и ждала, пока пограничник пролистает ее паспорт. Затем женщина ползла вверх по скрипящему и гремящему цепями трапу, а пограничник уже ловил ребенка, беззаботно перешвырнутого через клокочущую воду с мостика катера. На трап залезали родители — он снова листал их бумаги. Выше, скучно съежившись под дождем, стояли два солдата.

Посадка шла медленно, наконец катер отвалил, сбегал за новой партией пассажиров. Грузили громоздкие вещи в огромный плетеный кошель, матросы кричали кому-то:

— А мы не будем вирать парашют, пусть там остается!..

Началась высадка. Стало совсем темно, и шелестел дождь по плащам стоящих рядом. Теперь пограничники поднялись на теплоход и проверяли документы у тех, кто выходил. Было видно белое в темноте лицо старшего, срезанное сверху козырьком фуражки.

Женщина все еще стояла у борта и так же тупо смотрела вниз, как волны бросают катер, и как страшно разъезжаются светлеющая внизу площадка трапа и черная, почти невидимая палуба катера. И вдруг она быстро пошла в каюту, запихала в рюкзак разбросанные вещи, нашла билет и паспорт и протолкалась через толпу новых пассажиров, облепивших кассу и каюту пассажирского помощника,— к трапу.

Пограничный майор быстро пролистал странички ее паспорта, матрос удивленно развернул билет, согласно которому ей надо было ехать и ехать. Дрожащими ногами она перебрала живые ступеньки трапа, встала на площадке и ждала, что будет. Ее вздымало вверх и опускало вниз, холодная волна с ветром высоко всплескивалась, обдавая ей лицо, стекала по дождевику. Ей крикнули с катера, чтобы бросала рюкзак,— она швырнула его, не увидев куда, потом, когда трап вознес ее высоко и

она почувствовала бездну под собой,— прыгнула.

Ударилась несогнутыми ногами о палубу, ее подхватили, она ткнулась лицом в чью-то мокрую кожаную спину. Голос рядом произнес:

— Над рубкой рыба вялится. Дерни мне одну.

Послышался треск раздираемой пахучей рыбы, кто-то зачавкал и, чавкая, продолжал:

— Рыба есть — пива нет. В Москве пиво есть — рыбы нет. Отсутствует в мире совершенство.

«И здесь все свои, не сбежишь от них никуда!» — с отвращением подумала женщина и села на какой-то ящик, куда ее все равно опрокидывало напором прибывавших новых людей. Ей сунули кусок рыбы, и она стала сосать ее, глотая голодную слюну. Прошло еще не меньше часу, прежде чем катерок затопал к берегу.

3

Она сошла с катера позже всех, отыскав при свете берегового фонаря мокрый рюкзак, валявшийся за рубкой. Пассажиры уже ушли вверх по дороге, и она заторопилась следом, ощущая под ногами мягкую, остро пахнущую тухлой рыбой подушку из водорослей. Шел густой дождь. Когда она выбралась на дорогу и, оскальзываясь, потащилась по ней, ее нагнали люди, и она спросила их, как пройти к гостинице. Пошла следом, потому что они направлялись туда же. По их разговорам она поняла, что это геологи, партия которых ищет на острове серу.

Долго тянулся овраг с высокими извилистыми бортами, потом пошли темным, словно бы вымершим поселком, остановились у одноэтажного темного дома и зашли внутрь. Кто-то из геологов пошарил по стене, отыскивая выключатель, бесполезно пощелкал им, другой рванул дверь в комнату, все побросали рюкзаки в угол, кто-то сказал:

— Размещайтесь, ребята, тут полно свобод-

ных коек.—Через паузу вспомнил.—И вы, мамаша, ложитесь.

Она нащупала спинку койки, пошарила рукой, села. Сняла боты, дождевик и размотала платок, потом прямо в брюках и куртке легла поверх одеяла.

Лежала съежившись, перед глазами все плыло и качалось, и не было ясного понимания, где она и что происходит. Геологи курили, шумно укладывались, с грохотом сбрасывали сапоги, под их разговор она уснула.

Во сне услышала сильный толчок, кровать под ней качнулась, и тут же завыла сирена. Тогда внутри прошла детская память о бомбежке, воздушной тревоге и что надо идти в метро. Она увидела тетку, впотьмах натягивающую драную мужскую майку, увидела ее тощее тело с морщинами между сухих лопаток, после увидела, как тетка заталкивает в сатиновый мешок с заплечными лямками полбуханки хлеба и кулечек с сахарным песком. Сглотнула во сне слюну, вспомнив более поздний голод — голод не осени сорок первого, а весны сорок второго и всех последующих военных и первых послевоенных годов. Тут ее резко потрясли за плечо, она сказала: «Сейчас, тетя Надя!» Но мужчина крикнул: «Цунами! Вставайте, бежим на гору».

Она встала, нашла свои боты и никак не могла надеть их, каждый раз промахивая ногой мимо, и нога плыла, как ватная. Ее опять потрясли за плечо, и она попыталась сказать: «Да иду же, видите — одеваюсь!» Громко закричала, но знала, что ее не слышат, потому что она спала тяжким сном и не могла проснуться. Встала, оделась, пошла опять по этой дороге между двумя высокими стенами оврага, но удивлялась, почему так легко идти и почему так ноют ноги, да еще трудно дышать, словно какая-то тряпка накрыла нос и рот. И опять кровать покачало под ней, опять завыла сирена, и, сделав над собой усилие, она всетаки очнулась.

Светало. Она лежала в длинной, с оштукатуренными белыми стенами комнате. Лампочка на шнуре тихо раскачивалась. Опять завыла сирена, и кровать качнулась так, будто просто кружится голова. Шкаф, стоявший рядом у стены, шевельнулся, раскрылась, заскрипев, дверца. Сообразила: «Землетрясение». Она приподнялась и оглядела комнату: смятые койки были пусты, рюкзаки геологов и ее собственный валялись в углу. «Цунами»,— вспомнила она слово, прозвучавшее во сне, почувствовала вдруг страх и желание выйти на улицу, чтобы убежать куда-нибудь. Но потом подумала про Митю.

Перевернулась на другой бок, съежилась, потому что ей было холодно, потом вытащила из-под себя синее байковое одеяло, которым была накрыта койка, закуталась в него.

Наконец вернулись геологи, громко топая, походили по комнате, кто-то сказал: «А эта чокнутая тетка так и дрыхнет здесь».

4

Она встретила Митю в министерстве, там в очередной раз шла конференция «О повышении надежности и долговечности выпускаемых изделий». Увидела его в перерыве в буфете, он стоял впереди в очереди. Не сообразив даже сразу, она наткнулась на светлый затылок с завивающейся в ложбинке нестриженой косичкой, почувствовала страх под ложечкой, и вдруг что-то поднесло ее к нему, она потрогала его за рукав: «Здравствуй! Возьми мне чаю и два бутерброда—с икрой и рыбой». Словно не было никого вокруг, и почему-то она говорила на «ты», как с одноклассником. Митя обернулся, она увидела в его лице радость и тревогу, он ответил: «Ладно, занимай столик». Опять никого и ничего не видя и не соображая, бросила на свободный столик сумочку и шарф, подошла к Мите, взяла у него тарелку с бутербродами, а он нес два стакана чаю, и они неловко проталкивались между столиками, касаясь друг друга локтями, и словно бы их окружило какое-то непроницаемое электрическое поле.

Они сели, и она увидела, что он сильно похудел, щеки запали, а волосы надо лбом поредели. «Как ты живешь?» «Я болел»,— ответил он виновато, как ребенок. «Я знаю». Она стала прихлебывать чай и глядела, не отрываясь, только чувствовала, что кожа на лице и на шее горит пятнами и сердце колотится. «Ты похудел очень, совсем молоденький». «Специально старался, помнишь, как ты издевалась, что я толстый и преуспевающий?» «Да...» Она не могла уже ничего говорить, потому что кровь стучала в горле толчками и темнело в глазах. Вынула из сумочки сигареты, и он видел, как у нее дрожат руки, когда она щелкает зажигалкой. Закурила, потому что не могла даже откусить от этого ее любимого бутерброда с икрой. А Митя торопливыми глотками пил чай и жевал хлеб, словно спешил. «Ты долго еще в Москве пробудешь?» «Сегодня уезжаю».— По тому, как он покраснел, она поняла, что врет. «Позвони мне,— отчаянно выговорила она, видя, что он поднялся уходить.— Когда следующий раз приедешь, позвони. Запиши телефон!..» «Да нет,— сказал он жестко.— Ты же знаешь, как я накоротке здесь бываю. Времени нет». «Хоть просто так позвони!» — жалко попросила она, поражаясь своему бесстыдству, навязчивости, жалкости и не желая ничего поделать с собой. «Я побежал, до свидания». Митя поцеловал ей руку.

Ушел, а она словно бы отходила с мороза: протекла по всему телу волна крови, слушала себя оцепенело. Подсела Клавдия с чаем и тарелкой пирожных. «Кокетничаешь?.. Имей в виду, что он верный муж, у него жена и трое детей, младшему два года». «У меня иные сведения, я завтра же еду в Киев устраиваться официанткой к ним в столовую».

Следующий раз она увидела его на торжественном собрании в Большом театре. Он был с толстой, коротко стриженной женщиной в платье из блестящей тафты. Сначала она не поверила, что это его жена, так они не гляделись рядом. Но он сам подошел к ним с Клавдией и познакомил. Потом они группой человек в десять поехали в «Украину» и сидели до закрытия. Она танцевала с Володей и Барановым и еще с кем-то, а Митя танцевал только с женой, целуя ей руку после каждого танца. Уже совсем пьяная от возбуждения, она подошла к Мите, потянула его за рукав: «Идем танцевать! Не то я загроблю в цеху ваш заказ!» «Я плохо танцую...» — отвечал Митя, не поднимаясь. «Все равно». На них уже смотрели, и жена добродушно подтолкнула его, сказала по-украински, чтобы шел, а то шум подняли, люди смотрят. Митя послушно встал.

«Ну ты и ломака, прямо красная девица!» — смеялась она, слыша, как ее несет возбуждение, опасное желание говорить много и насмешливо: в детстве она знала, что такое взвинченно-веселое состояние всегда к слезам. «Зачем ты смеешься надо мной? — сказал Митя серьезно и обиженно.— Я, правда, весь запутался, заморочен и чувствую себя паршиво, хоть и лечился почти год. Видно, есть закон компенсации: очень я был удачлив, а теперь неприятность за неприятностью. И ребята дома болеют». «А любовницы здоровы?» «У меня нет любовниц... Брось этот тон, правда». «Ты же знаешь, как я к тебе отношусь»,— сказала она, так выложившись в эту фразу, что у нее даже слезы подступили к горлу. «Знаю». Они танцевали молча, а когда зашли за колонну, он вдруг прижался щекой к ее глазам, и она услышала, как колотится его сердце. Свое сердце она слышала тоже.

Потом она увидела Митю спустя полмесяца, снова на конференции в министерстве. Она сама подала Баранову мысль послать ее туда, но не слушала доклад, а напряженно высматривала в зале Митю. Увидела наконец и опять, не помня, что с ней происходит, поднялась прямо во время выступления, прошла, села на свободное место рядом, а он покосился на нее, покраснел и уже не оборачивался к ней, положил подбородок на стиснутые кулаки, которыми вцепился в спинку переднего кресла. И не сказал ей ни слова, когда встал в перерыве, заговорил с кем-то и ушел.

Дома она провалялась весь вечер на диване, чувствуя свою обреченность, потому что ясно понимала: никогда у них ничего не будет, он не хочет переступить через какие-то свои правила, а может, боится за свою репутацию, боится, наконец, ее настойчивого желания быть с ним, несмотря ни на что. Она сама удивлялась этой постыдной своей настойчивости, раньше, наоборот, всегда приходилось долго обороняться. И еще было чувство унижения и женской неполноценности, раз он даже не хотел разговаривать с ней.

Конференция продолжалась три дня, но она больше туда не пошла, сказав Баранову, что там обычная болтовня и интересных докладов не предвидится, а ей надо кончать узел. Приходя вечером домой, она сразу ложилась спать, приняв три таблетки люминала.

На третий вечер ее разбудил звонок. Не сразу проснувшись, она схватила трубку, там уже были слышны короткие гудки. Положила, но телефон тут же зазвонил снова. Там помолчали в ответ на ее «Алло?», потом сказали: «Здравствуй». Тут уж замолчала она. «Ну, что ты молчишь?» «Так. Радуюсь». «Чем ты занимаешься?» «Сплю». «Так рано? А я думал, у тебя очередной кутеж в ресторане». «А ты чем занимаешься?» «Ничем». «Ну приезжай ко мне пить чай с пирожными». В трубке помолчали, потом сказали: «Приеду». Раздались гудки, она положила трубку, не веря, что он и правда приедет: ведь он не знал ее адреса. Все-таки торопливо поднялась, оделась, убрала постель, накрасилась, поставила чай. Накрыла на стол, и раздался звонок в дверь.

Он, не глядя на нее, раздевался, снял шарф, пальцами поправил волосы над лбом. Прошел в комнату, налил себе чаю. Лицо его было будто каменное. Она тоже пила чай и смотрела на него в упор, улыбаясь по-глупому, чувствуя себя покойно-счастливой, и не страшно было, если больше вообще никогда ничего не будет. Он стал говорить что-то про заказ, про то, что при испытаниях на вибропрочность все время получается увеличенная вариация показаний, а она видела, что он волнуется, что у него дрожат мускулы возле губ. «Да все наладится, ты даже и не думай. Я сама еще раз прослежу по цехам и в лаборатории поторчу. Мне предстоит командировочка на комбинат, который нам ленту для мембран поставляет, я там проверю, точен ли химический состав, не халтурят ли они где. Не бойся, в лепешку расшибусь!» Она поднялась, приняла у него чашку, чтобы налить еще чаю, он тоже встал, взял ее больно за плечи и поцеловал.

Они сели на диван, он ткнулся ей лицом в колени, а она гладила его волосы. Потом он снова целовал ей лицо, глаза, шею, и она подумала, что он целуется, как мальчик,—сжатыми губами. И еще подумала, что вот все началось сначала, ничего не надо торопить, пусть все будет наивно и нелепо — это, наверно, смешно, что взрослый женатый мужчина и женщина, имевшая в прошлом мужа и двух любовников, так по-сумасшедшему волнуясь, просто целуются, но это потому, что существует закон компенсации, и судьба додает ей недоданное. Впрочем, все это она подумала позже, тогда она просто волновалась, не помня себя, и целовала его, не веря толком, что все это на самом деле.

5

Она открыла глаза, словно отрезвев, со страхом и нежеланием двинуться, подумала, что ее забросило неизвестно куда, она даже не знает, как называется этот убогий остров, что за окнами несет снежок, холодина, а у нее нет теплых вещей. Что придется все-таки выползти и как-то устраиваться и найти где-то поесть. И что денег, в общем, не так уж много. Отсюда, небось, если захочешь — не уедешь: на теплоходе она слышала, что транспорт сюда заходит раз в двадцать дней. И только теперь осознала глупость и безвыходность своего положения.

Потом вдруг что-то смазалось, поплыло бессмысленно, и было ощущение, что все пригрезилось. Она дома. Как случалось, летя в самолете, она представляла, что отказали моторы, они падают камнем, всей жизни — две с половиной минуты, представляла так ясно, что спину окатывал влажный страх, и даже после посадки она не сразу могла вернуться к ощущению покоя и безопасности. Говорят, у сказочника Андерсена была такая же способность ясно вообразить, как тонет пароход, на котором он плыл, и перепугаться до смерти. Она открыла глаза, ожидая увидеть резную ножку своего стола, но увидела шкаф с приоткрытой дверцей.

Она вскочила, подошла к шкафу, ударила костяшками пальцев по железной спинке койки, вскрикнула от боли. Ей было страшно и нервно как-то, она подошла к столу, взяла стоявшую там кружку с водой, хлебнула. В

кружке оказалась водка или разбавленный спирт, она закашлялась от неожиданности, потом закрыла глаза и выдохнула, чувствуя, что приходит в себя. Допила спирт и распахнула дверцу шкафа, ища, нет ли съестного. Нашла корку хлеба и засохшую кожу какой-то копченой рыбы с остатками мякоти, съела все жадно.

Вспомнила, что надо бы зайти к пограничникам, да и вообще пора уже выйти посмотреть, куда ее занесло, определиться на местожительство, разыскать столовую или хотя бы магазин. И узнать, когда к острову подходит следующий транспорт.

Сыпала снежная крупка, и совсем рядом ходил и грохотал коричневый с белыми гребнями океан, трепались несколько жалких сейнеров на рейде, неподалеку лежал на песке белый полуразломанный сейнер с ржавым днищем. Крабозаводов нигде не было видно: наверное, они ушли в океан, чтобы их не выбросило на берег штормом. Она посмотрела на остров и увидела гряды каких-то грязно-бурых холмов, в распадках и на вершинах лежал снег. Здесь, где она стояла, холмы, словно бы истершись, образовывали долинку, по ней было разбросано десятка полтора домов. Все дома выглядели нежилыми, и людей нигде не было видно. Палисадники огораживали старые сети—от этого казалось, что поселок затянут паутиной.

Она опять не поверила в подлинность того, что видит. Но тут из-за гостиницы вышла расседланная лошадь, а следом старик в ушанке и валенках. Удивившись и испугавшись хриплого звука своего голоса, она спросила, где находятся пограничники. Старик показал ей в дальний конец поселка, пробормотал что-то невнятное.

Пошла через поселок, заглядывая в окна, на которых стояли цветочные горшки или трехлитровые банки с грибом, висели тюлевые занавески. Навстречу попадались люди, в большом дворе играли тепло одетые дети. Вроде бы все происходило на самом деле.

Вдруг из продуктового магазина вышел человек в японском красном свитере и пыжиковой шапке, на плече он тащил огромный — в таких хранят одежду — полиэтиленовый мешок, до половины налитый коричневой жидкостью. Следом шел другой человек в таком же свитере, такой же шапке, с таким же мешком и ловил ртом струю, бьющую из дырки в мешке у впереди идущего.

Тогда она присела отдохнуть на ближнее крылечко. Проходившие люди не обращали на нее внимания.

Поднялась, дошла до заставы, которую угадала по выкрашенным в зеленый праздничный цвет домикам, попросила дежурного провести ее к начальнику. Ее отвели в канцелярию, пришел тот самый майор, которого она уже видела на теплоходе. На плечи его была накинута шинель, рябоватое несвежее лицо и глаза с желтыми белками заспаны. Молча проглядел ее документы и удивленно спросил, зачем она сюда попала. Тогда она нашла в кармане куртки письмо, адресованное, правда, другому начальнику, другой заставы, на другом острове, его написал подполковник в отставке, ездивший с ними в турпоходы, раньше он служил на этих островах. Майор внимательно прочел письмо и снова спросил, зачем она все-таки приехала сюда. Не мысля, что можно соврать пограничнику, она попыталась рассказать про несчастье и про то, что она не понимает, чтó с собой делать: дали отпуск — уехала к черту на рога.

— Какое несчастье?— чужим, жестким голосом спросил майор.

— Погиб муж...— Он листанул чистую страничку паспорта, и она горько поправилась:— Любимый человек...

Наверное, она чем-то тронула вдруг его, потому что он сморщился неловко и повторил быстро, словно не услышав ее поправки:

— Муж... муж... А где вы разместились? Хотите, я вам открою пока квартиру моего замполита, он в отпуск уехал? Там тоже не очень прекрасно, но лучше, чем в гостинице. Я пошлю солдата за вашими вещами. Вы обедали?..

Она покачала головой, потом кивнула, туго соображая, на который из его вопросов отвечает.

Окончание следует.

МАТЕМАТ

Евгения
МАНУЧАРОВА

Математика счастья — именно так хочется сформулировать тему работы киевских ученых. Это не журналистское преувеличение, не парадокс или метафора, не опережение времени, а всего лишь краткое определение направления, в котором идут исследования.

Но разве такое доступно человеку — предусмотреть и выразить числом капризы Синей птицы? Нужно ли, можно ли высчитать ее старты и финиши?

Необходимо, считают ученые. И надо делать это, привлекая на помощь электронно-вычислительные машины, словно для определения пути звезд на небосводе или трассы рукотворного спутника Земли.

У психологии (науки, о которой Эйнштейн сказал, что она потруднее физики) фактов и исследований накоплено теперь почти так же много, как у физики. Поэтому уже возможны достоверные суждения о внутреннем мире человека, о психологии счастья. Это и дает право применить здесь математику, самое мощное ее оружие — электронно-вычислительные

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Николай Михайлович Амосов

ИКА СЧАСТЬЯ

машины. Было бы неверно говорить, что ученые уже научились выражать числом все сложности психологии человека, его эмоции, его хрупкий внутренний мир. Все далеко не так просто, но исследователи ищут ключи к этой сложнейшей проблеме.

«С научною точностью схожа точеная точность стиха»,— говорит поэт. Искусство опередило науку в исследовании счастья. Но было ли его исследование достаточно точным?

Работа математиков значительно упростилась бы, если бы они могли принять в качестве рабочей гипотезы знаменитое утверждение Льва Николаевича Толстого: «Все счастливые семьи похожи друг на друга».

Однако дальше в том же самом романе Толстой дал противоположное определение. Погруженная в мысли о страсти, Анна Каренина говорит: сколько сердец, столько и родов любви. (А значит, и счастья.)

Эта формулировка отбрасывает стандартность счастливого существования. Сложную проблему Толстой рассматривает не просто с двух разных, но с двух принципиально разных позиций. При взгляде извне все кажется смазанным, обобщенным, видны только главные черты. При взгляде изнутри встают грозные противоречия, несопоставимость одного индивидуального благополучия с другим.

Но где истина? Может быть, посредине? Нет. Для ученых между полюсами лежит, как правило, не истина, а загадка, проблема, требующая изучения.

Для развязывания сложного узла в проблеме «счастье» математики предлагают свои методы: модели личности человека.

Личность — что это? В бытовом разговоре так обозначают человека своеобразного, крупного, независимого. С позиций ученых личности — все мы. Каждый из нас (и взрослых и детей) своеобразен, уникален, неповторим. Личностные особенности проявляются, как только живое существо появилось на свет.

Несмотря на уникальность каждого человека, обобщенные модели дают для изучения и понимания сложного явления очень много. И это уже давно доказано искусством.

Почему, скажем, человечество изобрело театр масок? Или зачем понадобился Буратино Алексею Толстому? Действуя в разных ситуациях, куклы показывают нам, какими бываем мы, люди. А в известном концертном номере С. Образцова действует даже не кукла, а шарик. Казалось бы, это всего лишь модель модели, но почему же она так волнует нас? Избавленная от всего случайного, лишнего, геометрическая фигурка в руках артиста говорит человеку о самом главном в нем.

У искусства только один тип моделей — качественный. Наука привлекает множество разных видов. Это и чертеж, и формулы, и цифровой обсчет, и маленькие копии больших машин, и, наконец, программы на электронно-вычислительных машинах — совсем уже новые виды моделей. В них выражены главные характеристики объекта, сохранены количественные его соотношения, показана динамика поведения.

Но зачем такая сложность? Ведь шарик-кукла прост, а показывает главное, суть. Да. Показывает. При условии, что зрители готовы воспринять условность.

Науке нужны объективные модели. И такие, чтобы могли обобщенно показать самую суть явления. Показать ее упрощенно, но не искажая.

Однако бывает так, что суть явления — это как раз сложность. Скажем, сложность взаимосвязей. Именно так и происходит, когда моделируется жизнь. Отсюда возникает необходимость в моделях кибернетических. Они вмещают в себя великое множество нитей клубка взаимосвязей.

Один из центров, где работают над такими моделями,— Институт кибернетики Украинской Академии наук. Отдел биокибернетики основал и руководит им академик АН УССР Николай Михайлович Амосов. Тему его новой работы и можно определить как «Математику счастья».

Интерес Амосова к этой проблеме естествен. В кибернетику, в науку управления, он пришел из хирургии. У него два диплома — врача и инженера. К началу Отечественной войны он колебался: кем быть? На фронте стал хирургом, но увлечение двумя науками идет у него параллельно.

Кибернетика помогает хирургии. Группой Амосова была создана «модель сердца», модель «внутренней сферы» человека. Затем началась работа над моделью, которая имитирует работу коры головного мозга и подкорки, реакции на трудные, неожиданные обстоятельства, механизмы принятия решений. Отсюда довольно естественным был переход к «модели личности». Выбор этой темы определен не только Амосовым-ученым, Амосовым-врачом, здесь сказалась прежде всего личность Амосова-гражданина. Впрочем, сам он боится и не любит высоких слов. Чаще говорит «человек», чем «личность». И предпочитает уровень счастья называть уровнем «душевного комфорта». (Кстати, этот термин предложен директором института академиком В. М. Глушковым.)

* * *

— Как распределяются у вас часы и силы между двумя работами: кибернетическим институтом и клиникой? — спрашиваю я Амосова.

— С медициной связано больше эмоций, с кибернетикой — интересов. В кибернетике меня волнуют проблемы, которых я не знаю и считаю необходимым узнать. Они касаются будущего. А в клинике дело идет о жизни и смерти сегодняшних людей. Значит, неизбежны в работе стрессы. Но тут реально отрабатываешь свое собственное право на существование. Без ежедневной пользы, наверное, такого права у человека не должно быть.

— Почему вас интересует «модель личности»? Личность?

— Не личность. Общество. Они связаны. Чтобы понять одно, надо знать, как строится другое, и наоборот. Вот отсюда и модель — для понимания процессов, управляющих физическими и психическими свойствами человека, его здоровьем, эмоциями. Прямая задача специалиста по кибернетике.

Наука говорит: чтобы познать сложные процессы, сложные системы, нужны модели. Скажем, вы хотите вылечить человека от легкой простуды. Естественно, что здесь нет необходимости в модели. Можете дать больному аспирин. Он не повредит. А можете и не давать — насморк все равно пройдет. Но если, скажем, цель — омолодить организм, тогда без очень сложной модели не обойдешься. Надо учесть слишком много жизненно важных характеристик и понять их соотношение.

И тогда вводят главные показатели сложной системы в электронно-вычислительную машину и заставляют их действовать, имитируя действия реальные. Меняются данные — значит, и организм попадает в иные условия, изменяется. Ученые смотрят, как ведет себя система, как изменения одной характеристики влияют на другие. Меняя то одно, то другое «на входе», стараются уравновесить систему, добиться того, чтобы она сохранила в действиях жизнеспособность и улучшилась в главных показателях «на выходе».

Психика человека — система еще более сложная, чем его организм. Несмотря на огромные долгие исследования, наука не обладает конечными понятиями о природе человека.

От чего зависит неповторимость личности каждого? По каким линиям можно достаточно точно предсказать, предопределить, направить поведение любого человека? Какие создать условия, чтобы личность его развивалась наиболее полно, гармонично?

Одна из главных и дискуссионных проблем: в какой степени может быть воспитан человек, а в какой степени его натура заранее жестко ограничена принадлежностью к животному миру и управляется инстинктами? Какова количественная мера врожденного и воспитанного? Другая сторона той же проблемы: когда, до какого возраста мозг наиболее гибок, какими методами, в каком возрасте можно воспитать человека наилучшим образом, чтобы он был наиболее полезен для общества и умел строить собственное счастье? Где лучше всего наметить для каждого траекторию счастья? Где наибольшая возможность самовыражения ин-

дивидуальности в рамках общепринятых идеалов?

Человек — общество — наука — природа. Они увязаны в едином комплексе. Это единство и интересует Амосова, как наиболее актуальная тема, как проблема, важная для всего человечества.

В модели есть величины переменные. Играя ими, видоизменяя то одну, то другую, можно изучать, какие же реальные изменения нужны в жизни, какие создать условия, чтобы способности той или иной личности могли проявиться многограннее. Иными словами, как говорит Амосов, найти «стимулы для общественной работы так, чтобы они ощущались личными потребностями».

Человек стремится к «приращению чувства удовольствия» (это довольно распространенная теория). И при этом хочет, чтобы усилия, которые он затратил, связанные с неприятными ощущениями (скажем, с усталостью), были меньше этого «приращения».

Надо знать: чем вызвать такое «чувство удовольствия»? Проблема сложная. Человеку много надо. И с каждым днем все больше человеку необходимо жить и интересно и небедно. А он быстро ко всему привыкает — адаптируется.

Ко всему? Кроме новой информации. Поэтому для людей, познающих новое, создающих новое, наслаждение приходит уже в самом процессе труда. Их личное счастье идет на благо всему обществу.

Ученые описали множество разных типов людей, они делят нас по разным показателям и особенностям. В частности, на «лидеров» и «функционеров». Эта разница зависит не от того, на каком посту работает человек, а от комплекса, который все та же наука — психология называет «притязаниями личности» (четче всего, кстати сказать, лидеры видны в детских коллективах). Счастья человек достигает тогда, когда его реальные притязания близки к идеальным — к самым высоким из всех возможных для него. И тогда, естественно, когда в процессе жизни они удовлетворяются.

Творчество (на взгляд Амосова) может принести счастье любому типу личности. Допустим, человек по характеру «лидер». Он получит удовольствие от того, чтобы быть в творчестве лучше других. Если же человеку легче подчиняться, чем главенствовать, он тоже может быть счастлив — в напряженном коллективном труде.

Это принципиально. Амосов убежден: любые напряжения человеку весьма полезны — и физические, и моральные, и интеллектуальные. Людей будущего он представляет себе любознательными, общительными, умеющими сопереживать другим, волевыми при достижении цели. Такими, для которых главное удовольствие — не деньги и не власть, а новые знания, принесенная людям польза. Эти люди будут напряженно трудиться и получать именно от этого максимум радости. Они, объединившись в коммунистическом обществе, получат индивидуальное счастье.

В страстности, с которой Амосов говорит о необходимости напряженного труда, сказывается сама личность исследователя. Для себя самого он иной жизни и не мыслит. И всем хочет того же, чего и себе.

Однако не все так прямолинейно. В работе кибернетика Амосов использует свой опыт врача. Ведь ему приходилось возвращать к жизни тысячи раненых и сотни больных. Что помогает, что мешает таким людям становиться в строй? Я спрашиваю об этом Амосова. И еще вот о чем:

— Болезни, страдания — как они сказываются потом на личности человека? Вы видитесь с прежними своими пациентами. Нет ли надлома в них? Не ожесточают ли страдания?

— Нет. Самое скверное, что после тяжелой болезни многие перестают верить в себя. Ленятся. Перестают интенсивно работать. А к ним (из ложно понятой жалости) предъявляют заниженные требования. Психологически именно это делает человека инвалидом. Тут есть прямая аналогия с последствиями наших операций на сердце. Благополучный исход у нас означает, что человек может работать. Но сам он уже давно считал себя инвалидом, другие тоже считают его таким (он от собеса получает пособие на всю жизнь, и дома все его жалеют). Человек становится несчастным, считает себя изгоем. Все это резко снижает эффект операций, чисто медицинский эффект.

* * *

Амосов убежден, что человек склонен к субъективным оценкам, даже если он ученый. («В той или другой степени увлекаемость есть у всех».) Но это не должно мешать в работе, и Амосов хочет максимально отойти от собственной личности, не подтягивать к ней модель. Скажем, о себе самом он думает, что он — рационалист, что умеет «зажать», если надо, чувства... Однако при характеристике любого человека и в «модели личности» он учитывает именно силу эмоций.

Эмоции, чувства — сложный комплекс. Они дают человеку самооценку своих действий, ощущение счастья или беды. Они могут затормозить его на пути к цели или же, напротив, дать дополнительный посыл, заставить действовать. Это во многом зависит от врожденного типа личности. Человеку с устойчивой психикой не так страшны препятствия, и ему меньше нужны внешние поощрения. Если у него есть цель («мотивация», как называют психологи), он пробьется к ней.

Иное дело — люди слабого типа. Талантливый человек может легко опустить руки или быстро привыкнуть к своему сегодняшнему положению. Именно таким людям, к сожалению, нужны непрерывные поощрения.

Счастье, даже самое рационалистическое, мы воспринимаем только через чувства. Воспитание их, определение диапазона возможностей такого воспитания — одна из задач ученых. Модель, создаваемая Амосовым, должна помочь и в этом поиске. Но поможет ли модель человеку узнать самого себя?

Вероятно. Если в модель подставить свои собственные основные показатели, она укажет «границы счастья», выдаст его прогноз при различных внешних условиях. Вот так и будут установлены математические закономерности счастья для данной «живой системы» — для этого человека. Машина покажет и другую линию — какие чувства нужно изменить, чтобы стать счастливее. «В некоторых пределах человек может это сделать усилиями собственной воли»,— говорит Амосов.

Но знает ли автор «модели личности» самое обычное человеческое счастье? Или для него есть только «душевный комфорт»? Испытывает ли когда-нибудь тоску? Следует ли сам правилам, которые проповедует?

Следует. У него нет расхождения между словом и делом. И дело его, работа — то главное, ради чего он живет, чем живет. Чтобы понять это, достаточно посмотреть на Амосова в клинике грудной хирургии, где он главный хирург. На операциях Амосов лаконичен и резок. Тут видна командная жесткость, властность. И его обращенное к ассистентам «Помогай, помогай же!» звучит так требовательно, что журналисту становится не по себе за бездействие, за позицию наблюдателя.

При обходе палат Амосов иной. Он знает пределы душевных сил человека. И потому, когда он говорит с пациентом, возникает ощущение, будто он держит его испуганную душу в руках. Держит так же твердо и бережно, как на операции берет в руки сердце.

Часто спрашиваю: какой главной чертой должен обладать врач? Спрашиваю Амосова об этом в разные годы и в разные для его клиники моменты. Ответ всегда один и тот же.

— Главное — доброта. Без этого качества надо бы из медицины отчислять. Конечно, на одной доброте врача не будет. Нужен ум (лучше бы и талант), совесть, твердость, преданность своему делу. Но даже, когда все это есть, а нет умения сострадать, такого человека надо отчислять, как профессионально непригодного. Иначе он может не остановиться перед излишним риском... А это значит, что разрешит на пациенте ту операцию, перед которой остановится, если будет решаться судьба его сына... А совсем без риска большой хирургии нет.

Говорю Амосову, что хочу знать точно, как строится его день, рабочая неделя, как распределяются часы между главными направлениями жизни.

— Неинтересный вопрос... Кому это может казаться важным? Да и известно все.

Продолжаю настаивать.

Он просыпается в шесть. Всегда.

Час лежит в кровати с карандашом и бумагой. Это работа. И напряженная. Потом тридцатиминутная гимнастика, гигиена, завтрак (по системе ограничения). В половине одиннадцатого едет в клинику. Операция. Две подряд, два-три раза в неделю. Обратно идет пешком.

Придя домой (если все у больных хорошо, то к семи часам), он обедает, спит, снова работает — до двенадцати ночи. В десять вечера дежурный врач докладывает по телефону о состоянии больных. Это очень важный час в жизни главного хирурга. Так изо дня в день. Отпуск бывает не каждый год...

По вечерам его жизнь идет по плану, только если результаты операций хороши и тяжелых больных нет. А когда они есть? Мне приходилось видеть Амосова в такие дни. При всем убеждении, что он один из самых счастливых людей, какие только мне встречались, в такие вечера мне не хотелось бы меняться с ним ни профессиями, ни судьбами... Но его профессия была выбрана на фронте, и он остался верным ей.

— Последний вопрос: чем отличаются ваши дни отдыха от остальных?

— Могу почитать побольше. Обязательно по утрам долго бегаю с Чарри — с доберманом. Жаль, что на чтение беллетристики времени мало. Мне нужнее научная периодика, «Вопросы философии» (пожалуй, этот журнал наиболее информативен для меня). Да, вот еще что мешает. Стал сентиментален, что ли. Когда тут недавно произошла беда в клинике (плохо кончилась операция), дома для разрядки пытались дать повесть о собаке — «Белый Бим Черное ухо». Казалось бы, хорошее искусство всегда помогает. Но тут не получилось. Я почитал, и настроение еще хуже стало. Очень уж очень жалко беззащитных. Таких, которые сами ничего не могут для себя сделать...

Вот так, значит, наступает и это — тоска... Когда бессилен что-то сделать. Но у него такое состояние не оборачивается тупиком. Даже если срыв, даже если несчастье, он тотчас хватается за работу еще более трудную... Тут у него большой выбор. И медицина, и кибернетика, и книги, которые он пишет,— каждая из этих областей дарит его именно трудностями...

Но если есть люди, для которых непереносимы большие напряжения, то есть и такие, для которых без стрессов, без взлетов, без полной самоотдачи невозможна и сама жизнь. Так у Амосова. Счастлив ли он или подстерегла его беда, все равно рецепт у него один — надо опять и опять (в этой же области или в параллельной) окунуться в живительный кипяток работы, когда полностью забываешь о всех мелочах жизни. И о себе самом тоже.

Может быть, поэтому мне кажется, что судьба у Амосова именно такая, какой он ее задумал и построил, что у него с юности была как бы модель своей жизни. И он шел к реализации этой модели, с какими бы сложностями ни приходилось сталкиваться.

Сервиз «Витязь».

Кофейный сервиз «Бархатный».

Чайный сервиз «Маки».

Михаил КОСЫХ,
Вячеслав КОСТЫРЯ

КРЫЛАТЫЕ...

Потомственный дехканский род Шаджалиловых живет ныне в совхозном поселке Кугай, Наманганской области, неподалеку от строящегося Андижанского водохранилища.

Дед Шаджалил Шаматов много лет покорно прошагал по борозде байского поля, держа в узловатых руках чапиги деревянной сохи-омача. А после революции Шаджалил стал первым коммунаром коллективного хозяйства на бывшей байской земле. Сын его, Джура, первым из юношей села оседлал «стального коня» — трактор, а затем стал шофером.

Когда мирные дороги сменились фронтовыми, Джура, сын Шаджалила, посетовал на «неудачный» возраст: повзрослел рано, не возьмут в летчики. А он-то мечтал... Но судьбе все же угодно было накрепко связать семью Джуры Шаджалилова с советской авиацией. Пройдут годы, и генерал-полковник авиации, трижды Герой Советского Союза Иван Никитович Кожедуб признательно напишет Мархабо и Джуре Шаджалиловым: «Я от души поздравляю родителей, которые воспитали плеяду авиаторов, а ребятам желаю отличной учебы, больших успехов в овладении сложной авиационной техникой. Желаю им стать настоящими летчиками, честно и добросовестно выполнять патриотический долг перед Родиной».

С чего началась высокая и преданная «авиационная любовь» рода Шаджалиловых?

— Выбрать профессию моим детям помог не я,— рассказывает Джура-ака, — а Юрий Алексеевич Гагарин.

...Началось с того, что пока старшие сыновья, Мухамадали и Алимджан, зачитывались книгами о летчиках и штудировали авиационные журналы, а младшие, Тахир и Рахимджан, мастерили авиамодели, дочь, Зульфия, старшая в семье, сразу же после космического полета Валентины Терешковой начала тайком от братьев наводить справки о приеме девушек в авиационный вуз. Окончив десятилетку с серебряной медалью, она заявила родителям:

— Я поступаю в авиационный институт. Еду в город Куйбышев учиться на инженера-технолога, а там посмотрим...

Джура знал, что возражать бесполезно: характер у дочки в отца!..

Потом, когда пришло время отправлять в тот же куйбышевский институт старшего сына Мухамадали, то даже мать не высказала никаких опасений: все же строить самолеты — это еще не значит летать на них! Мархабо-апа поехала в Куйбышев вместе с сыном, повидалась с дочкой и, не дожидаясь конца экзаменов, вернулась домой. Была уверена: экзамены сын сдаст на «отлично». Но Мухамадали неожиданно срезался по самому любимому предмету—физике.

Он целый год работал вместе с отцом в совхозном гараже автослесарем. А когда наступила пора вновь испытывать абитуриентское счастье, родители вдруг услышали от сына, что мечта его не строить самолеты, а летать на них. И он своего добился: стал курсантом Оренбургского высшего военного авиационного училища имени И. С. Полбина, того самого училища, где получил летную профессию Юрий Гагарин. Позже Мухамадали признается, что умышленно провалил экзамен по физике: он хотел стать летчиком...

Курсант Тахир Шаджалилов приехал в отпуск. Фото М. Пенсона.

Потом курсантом этого же училища стал Алимджан, на следующий год — Тахир, а совсем недавно — и Рахимджан. В письме младшим братьям, школьникам, Касыму и Рустаму, он написал: «Учитесь, чтоб все знать. С каждым годом в наше Оренбургское летное поступать труднее и труднее. А вы же в другое не хотите...».

Когда в училище поступал Тахир, Алимджан совершил первый самостоятельный полет, а Зульфия, инженер-технолог, строила самолеты. Лейтенант Мухамадали Шаджалилов к тому времени уже летал на боевом реактивном самолете в Заполярье, охраняя северные морские рубежи страны. Ныне он военный летчик второго класса, завоевавший право на полеты в любых погодных условиях.

...Живут на берегу Андижанского моря Мархабо и Джура Шаджалиловы, где-то далеко-далеко от дома сыновья их стерегут небо Отчизны своей, чтобы белокрылые чайки спокойно летали и здесь, над рукотворными морями родного края, где братья их Касым и Рустам пока еще гоняют голубей, но уже с надеждой смотрят в голубую высь — скоро настанет и их черед: дорога выбрана— воздушный океан...

В КАЖДЫЙ ДОМ

Фото М. Савина и Н. Маторина.

Подсвечник.

Квасник «Петух».

Кофейный сервиз «Вербилки».

Золотые витки орнамента заставляют вспомнить о кольчуге — доспехах русского воина. Форма отливающих золотом крышек сервиза наводит на мысль о золоченых шлемах богатырей.

Художник Михаил Тараев, создавая сервиз, названный им «Русский витязь», к этому и стремился. Строгие, как будто предельно простые, на самом же деле изысканные формы предметов, их особенный, тонко найденный силуэт, даже соотношение пропорций и размеров отдельных вещей — все высмотрено художником в мотивах седой древности и перевоплощено в красоту современных вещей, созданных для того, чтобы служить человеку, украшать его быт, радовать его глаз.

Вкус, такт, чувство меры — это, пожалуй, то главное, что заставляет сразу узнавать произведения М. Тараева на выставках.

На цветной вкладке среди других работ мастера мы видим кофейный сервиз темной керамики, экспонировавшийся десяток лет назад на выставке «Искусство — в быт». Она тогда, можно сказать, открыла новую эру в эстетике нашего быта. Простота, функциональность, элегантность были ее девизом. И работы мастера вполне такому девизу отвечают. Но в недорогом керамическом сервизе присутствует еще одно: интерес к народным художественным традициям древнего гончарного искусства. И формой и цветом предметы сервиза перекликаются с традиционным обликом кавказской черной керамики. Ведь родина художника — Кавказ. С годами его любовь к народной сокровищнице будет расти, шириться. Появится чайный сервиз по мотивам раскраски дымковской игрушки. Потом фаянсовый сервиз-сувенир «Москва», где художник использовал возможности мягкой, текучей, набранной из полутонов конаковской росписи. А яркие алые маки по темно-зеленому фону и подчеркнутая «пузатость» чайника и чашек еще одного тараевского сервиза, представленного на вкладке номера,— отзвук русской росписи по фарфору. И еще, как признается сам художник,— дань его большой любви к сочной, насыщенной, красочной живописи Малявина, Архипова, Кустодиева.

Богат арсенал художника... Он работает в фарфоре, керамике, майолике, использует простую глину, прозрачные и непрозрачные эмали. Но нередко мастер сознательно себя ограничивает. Взгляните на цветную вкладку. Бок о бок с переливчатым майоликовым квасником, похожим на тетеревиного петуха, стоит скромный белый сервиз, все украшения, вся орнаментика которого — ровные золотые полосы. Роспись, особенно ручная,— дело дорогое. А художник готовил свой сервиз для массового покупателя. И поэтому, поскупившись на декор и раскраску, он все внимание уделил форме предметов. На Дмитровском фарфоровом заводе дали новому образцу название «Вербилки» — по имени поселка, где находится это известнейшее фарфоровое производство страны, выпускающее недорогую посуду.

Михаил Тараев рассказывает:

— Я всегда помню, что работаю вместе с большим коллективом мастеров и рабочих. И поэтому стремлюсь уже в стадии эскиза, чтобы работа моя сумела полно и щедро воспринять все, что могут придать ей мастера-производственники... А когда я узнаю, что у кого-то в доме «живет» мой сервиз, то испытываю ни с чем не сравнимую радость, огромное удовлетворение.

Сейчас в Центральном выставочном зале — Манеже открыта выставка, на одном из стендов которой занял место сервиз «Вербилки». А скоро на фарфоровом заводе различные станки и печи будут трудиться над массовым тиражом сервиза, повторять его изящные формы, закалять на огне, мгновенно наносить специальной «отводкой» золотую ленту на гладкую белизну.

Бесконечного разнообразия вещи создает М. Тараев: сервизы, вазы, кувшины, кашпо,— стремясь повседневные утилитарные предметы сделать украшением. Много работает мастер и в металле. Есть у него и своя техника витража: очерченный поставленною на ребро стальной лентой контур заполняется лучистой мозаикой из цветного колотого стекла.

Золотисто-алый витраж «Красные конники» заслуженного художника РСФСР Михаила Тараева недавно украсил Дом офицеров в Солнечногорске.

Эльвира ПОПОВА

Николай ГРИБАЧЕВ

М А Л Ы

Рисунки И. СЕМЕНОВА.

КАК ЕЖА КИРЮХУ ЛЕЧИЛИ

Встал еж Кирюха, позавтракал, пол в доме подмел, гулять собрался. А небо тучами заволокло, пасмурно стало. «Дождь может пойти»,— решил еж Кирюха и остался дома.

Сидит, скучает. Думает: «Кто мне в лесу настоящий друг, кто враг? Проверить бы всех сразу. А как проверишь?» Думал, думал, даже голова побаливать стала. Но придумал: «Скажу, что заболел я, погляжу, что из этого будет».

Сказано—сделано: лег еж Кирюха, одеяло из травы натянул, только нос и глаза видны. Лежит, охает: «Ох, заболел я! Ох, заболел я!» И пошла по лесу весть, полетела: еж Кирюха сильно заболел, помереть может. Синица услышала, белке Ленке рассказала, белка — зайцу Коське. Все узнали.

Первой белка Ленка прибежала:

— Здравствуй, еж Кирюха! Заболел ты, что ли?

— Ох, ох, ох! — застонал еж Кирюха.— Живот болит, в голове стучит, кости ломит, в боку колет!

— Я тебе помогу!— сказала белка Ленка.

Побежала она, принесла самую большую шишку с самой большой елки.

— На вот, ешь. И сытым будешь, и витаминов много. Мы, белки, всегда шишками лечимся!

— Спасибо, белка Ленка,— сказал еж.— Добрая ты. А шишку на стол положи, я ее потом съем, сейчас аппетита нет.

Еж Кирюха никогда шишек не ел, в рот не брал, но белка Ленка об этом не знала. Да и не в шишке дело, забота важна.

Потом пришел заяц Коська.

— Здравствуй, еж Кирюха! Заболел ты, что ли?

— Ох, ох! Живот болит, в голове трещит, ноги ломит, в бок колет!

— Сейчас мы тебя выстукаем, выслушаем, температуру измерим, кровяное давление проверим,— сказал заяц Коська.

И принялся за дело — термометр ежу в рот сунул, по животу лапой постукал, глаза посмотрел, за ногу подергал.

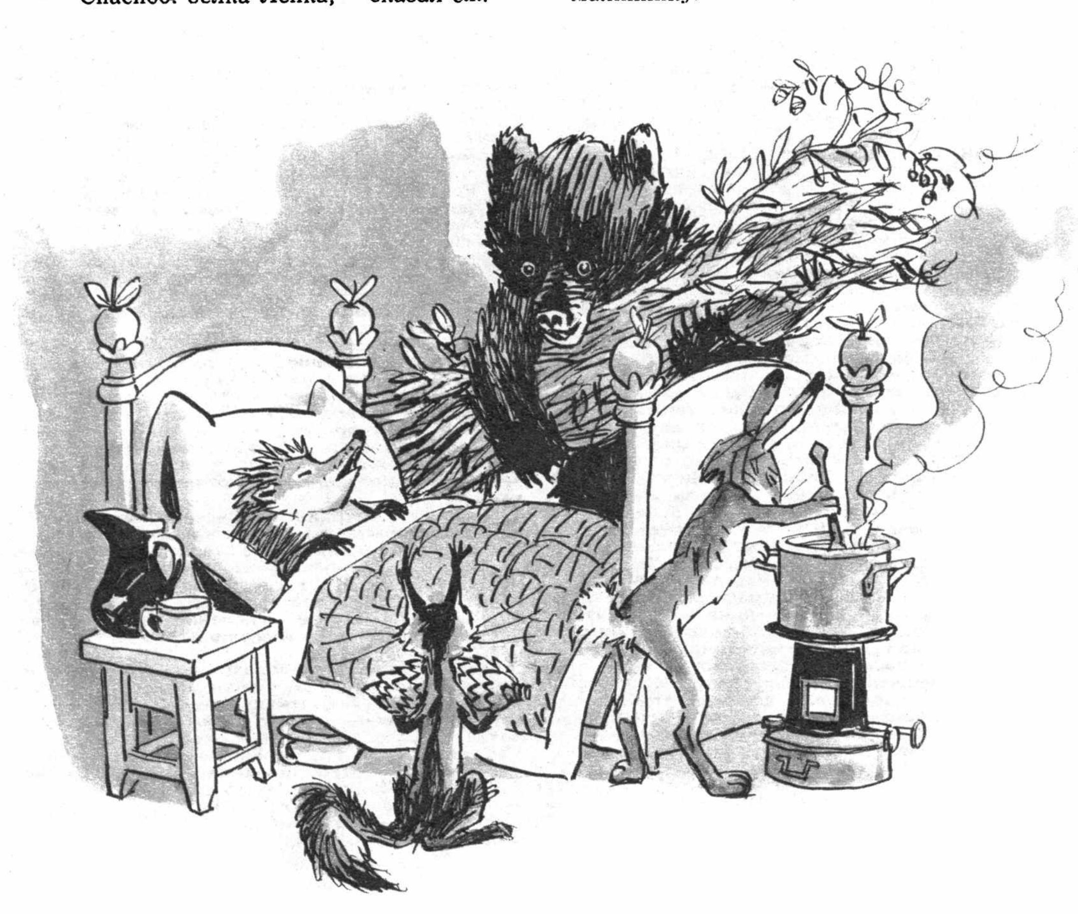
— Корь у тебя, ангина, насморк и простуда,— сказал заяц Коська.— Надо тебе отвар из малины пить.

— Да-а,— сказал еж Кирюха,— а где я его возьму?

— Достанем,— сказал заяц Коська.

Побежал он к медведю Потапу,—спешит, через куст прыжком, через пень кувырком. Медведь Потап деревянное ведро чинил — воду из колодца доставать. Рассказал ему заяц Коська про ежа, что в животе болит и в голове трещит. Медведь Потап ведро в сторону поставил, почесал в затылке, сказал:

— Жалко мне ежа Кирюху. Достану ему малиннику.



Ну, медведь не знал, что ежу двух веток хватит, наломал малинника столько, что хоть на грузовике вези. Схватил в охапку и понес. Несет, за ветки цепляется, по лесу шум катится. Услышала лиса Лариска, выбежала навстречу, смотрит, удивляется...

— Ты что это, медведь Потап, дом строить хочешь или малинник на новое место переносишь?

— Лекарство несу,— сказал медведь Потап.

— Глупый ты,— засмеялась лиса Лариска.— Лекарство в пузырьках да в таблетках бывает.

— Еж Кирюха заболел, ему малиновый отвар нужен.

— Глупый ты, медведь Потап, тут слону хватит, а еж маленький.

Медведь Потап не любил лису Лариску за то, что она птенцов ест и всех ругает. Буркнул:

— Не твое дело. Ты в сторонку отойди, а то ногу отдавлю!

Принес медведь малинника, около двери положил — дом у ежа маленький, не влезает. Пожелал ему, чтобы тот скорее выздоравливал, и ушел. Заяц Коська печку растопил, большую кастрюлю достал, собрался отвар готовить. Но тут крот Прокоп ход прямо в дом ежа прокопал, корешков разных принес. Сказал:

— Ты, заяц Коська, в малину их добавь, лекарство лучше будет. Мы, кроты, всегда корешками лечимся.

Потом олененок принес траву медуницу, лосенок — можжевельник, енот — цветы мать-мачехи, бобер Борька из озера кувшинок притащил. Целый стог лекарств получился, можно было всех зверей в лесу вылечить. А заяц Коська всего понемногу в малину добавил — и можжевельника, и репейника, и мяты, и корешков, и медуницу, и шишку, и орех, и мать-мачеху, и кувшинки. По всему лесу запахло лекарством, какого на свете не бывало. А заяц Коська варит и песенку поет:

Добрый еж Кирюха
Заболел у нас.
Плохо слышит ухо,
Плохо видит глаз.

Взял ухват я в руки,
На огонь смотрю.
Я ежу Кирюхе
Что-нибудь сварю.

Там с малиной мята,
Шишка и репей.
Нынче пей и завтра,
Сколько хочешь пей.

Будет еж Кирюха
Жив-здоров у нас,
Станет слышать ухо,
Станет видеть глаз!

Заяц лекарство варит, а лиса Лариска после разговора с медведем к волку Бакуле пошла, про болезнь ежа рассказала.

— А ну его! — заворчал волк Бакула.— Съел бы я ежа Кирюху, да у него иголок много, горло поцарапаешь. Пусть хоть помирает, мне не жалко!

Тут лиса Лариска и решила: «Съем-ка я его сама, ежа Кирюху. Приду вроде лечить, переверну на спину, чтобы живот постукать, да когти и запущу».

Надела она белый халат, белую шапочку с красным крестом — совсем на доктора похожа стала. А дело днем было, жара стояла. Вспотела лиса, пока к дому ежа шла, шапочку сняла, чтобы прохладиться. А заяц Коська в это время в окно выглянул, узнал ее, закричал:

— Лиса Лариска идет, доктором нарядилась!

— Ладно,— сказал еж Кирюха.— Ничего. Ты беги, я тут с ней сам справлюсь.

Но заяц Коська, прежде чем бежать, к двери изнутри кочергу поставил, ухват и помело. Потом в окно выпрыгнул, в куст спрятался — посмотреть, что дальше будет.

Пришла лиса Лариска, в дверь постучала раз, два и три. А еж Кирюха притворился, что ничего не слышит, стонет себе: «Ох, заболел я! Ох, заболел я!» Обрадовалась лиса: значит, ничего уже не соображает еж, легко его съесть теперь. И ка-ак рванет дверь!

Ну, тут сперва кочерга упала, лисе на голове шишку набила, потом по спине ухват стукнул, синяк поставил, а тут и помело повалилось, глаза пылью запорошило. Стала ругаться лиса Лариска:

— Хулиган ты, еж Кирюха! К тебе доктор идет, а ты его так встречаешь невежливо.

— Ох,— затянул слабым голосом еж,— плохо вижу, плохо слышу, ничего не знаю. А ты разве доктор?

— Доктор я, доктор,— ласковым голосом заговорила лиса Лариска.— Специальный университет окончила, как ежей лечить. Сейчас я тебе температуру измерю, живот выстукаю, сердце выслушаю. Ты развернись, еж Кирюха, живот открой.

— Ой, не могу развернуться, ой, не могу живот открыть — столбняком схватило, ревматизмом скрутило.

— Ну, тогда я у тебя тут посижу,— сказала лиса.— Пока живот не покажешь.

Час сидит лиса Лариска, два сидит — не разворачивается еж, не показывает живот. Жарко лисе, язык шершавым стал, пить захотелось. Увидела она кастрюлю на столе, спрашивает:

— А что это у тебя тут, еж Кирюха?

— А это малиновый отвар. Прохладительная вода. Ой, заболел я, ой, пить хочется!

Обрадовалась лиса Лариска, сказала ежу:

— Ага, не хочешь живот показывать — ну, и мучайся. От болезни высохнешь, от жажды изнутри сгоришь. А я вот напьюсь, а я вот напьюсь!

Заспешила лиса Лариска, налила большущую кружку отвара и — хап одним глотком! А ведь это не малиновый отвар был, заяц Коська туда чего попало намешал — и медуницу, и репей, и шишку, и можжевельник. Хуже касторки получилось! И не успела лиса последнюю каплю отвара проглотить, как напала на нее икота и зевота. Испугалась она, закричала:

— Ай-яй-яй, отравил меня еж Кирюха! Ай-яй-яй, отравил меня еж Кирюха!

А еж засмеялся и говорит:

— Пропала ты теперь, лиса Лариска. Через час ничего видеть не будешь, глаза слипнутся, через два ходить не сможешь, ноги погнутся в разные стороны. А как солнце сядет, так совсем помрешь!

— Ах, прости меня, еж Кирюха! Ах, посоветуй, что делать!

— Одно тебе спасенье,— сказал еж.— Беги изо всех сил на край леса, найди Родничок, с которым заяц Коська наперегонки бегал, напейся из него ключевой водицы. А потом два дня дома лежи, ничего в рот не бери, может, выздоровеешь.

Только и видели лису Лариску — побежала Родничок искать. И так она спешила, что даже докторский халат и шапочку позабыла. А еж Кирюха засмеялся, зафыркал, развернулся, потянулся и сказал:

— Ну, теперь я знаю, кто мне в лесу друг, а кто враг.— И пошел с зайцем Коськой в пинг-понг играть.

СОМ САМСОН И МЕДВЕДЬ ПОТАП

Пошла лиса Лариска волка Бакулу проведать, о том о сем поговорить. А волк Бакула мрачный сидит, ободранную щеку лапой держит. Удивилась лиса Лариска, спрашивает:

— Что это у тебя, волк Бакула, зубы, что ли, болят?

— Не зубы, а вся челюсть,— говорит волк Бакула.— Лосенка Филю хотел поймать на ужин, а он мне копытом чуть голову не сшиб. Полетел я кувырком в болото, вместо лосятины тины нахлебался.

Заахала лиса Лариска, заохала, просит в подробностях рассказать, как все было, чтобы потом по всему лесу разнести. А у волка Бакулы и разговаривать охоты нет.

— Иди, иди отсюда, лиса Лариска,— говорит он.— У меня язык еле ворочается. И никому не рассказывай, что меня лосенок Филя поколотил, смеяться будут.

— И-и-и! — затянула лиса Лариска.— Что ты, что ты, волк Бакула. Да я никому ни словечка, ни полсловечка не скажу.

Идет она и видит: медведь Потап длинную осинку сломал, от суков ее очищает.

— Ох, медведь Потап, ох, медведь Потап,— затараторила лиса Лариска,— какую историю я знаю — со смеху помрешь! Пошел волк Бакула на лосенка Филю охотиться, выследил, выждал, подкараулил, подкрался. Да как бросится! А лосенок Филя как ему даст копытом! А волк Бакула как в болото шмякнется! Зуб у него зашатался, челюсть свихнулась, тины наглотался... А ты что это, медведь Потап, делаешь? Новый дом, что ли, строишь?

— Удочку делаю,— сказал медведь Потап.— На рыбалку собираюсь.

— Хе-хе-хе! — захихикала лиса Лариска.— Удочки тонкие бывают, сама у рыбаков видела. А у тебя дубина.

— Много ты понимаешь! — проворчал медведь Потап.— Теми удочками пескарей да верхоплавок ловят, а я сома Самсона хочу подцепить.

— А на что ты его ловить будешь?

— На лягушку.

— Фи, гадость какая! — сморщила нос лиса Лариска.

— Это тебе гадость,— сказал медведь Потап.— А сом Самсон лягушек больше всего на свете любит. Ну, ты иди себе, не мешай мне работать. Да смотри, чтоб никому ни слова!

— И-и-и! — сказала лиса Лариска.— Что ты, что ты, медведь Потап! Да я ни слова, ни полсловечка, ни четверть словечка!

«Ишь ты,— подумала лиса Лариска,— хитрый какой медведь Потап. Сом Самсон вон какой большой, поймает его медведь — на неделю еды хватит. А мне может и не дать сомятинки. Пойду-ка я да расскажу все сому Самсону, может, он мне за это рыбки даст».

Побежала лиса Лариска к речке, села на берегу под кустом. Берег крутой, внизу темный омут, вода воронки крутит. Даже смотреть страшновато. Стала лиса Лариска звать сома Самсона. Закипел омут пузырями, выплыл сом Самсон — огромный, черный, глазки маленькие, усы длинные.

— Ну, чего тебе, лиса Лариска?— спросил он. — Разбудила ты меня. Разве не знаешь ты, что я днем сплю, а ночью на охоту выхожу?

— Ох, и новость у меня интересная,— затянула лиса Лариска. — Ох, и новость. Дай рыбку — скажу!

Засопел сом Самсон, нырнул на дно, дохлую плотвичку подобрал, отдал лисе. Она ее на лету схватила, в миг проглотила и все рассказала — что медведь Потап удочку готовит и лягушек собирает, ночью его, сома, ловить придет.

— Ладно, пусть приходит,— сказал сом Самсон.— Я ему, косолапому, покажу рыбную ловлю!

Когда солнце стало садиться, поймал медведь Потап на лугу большую лягушку, взял удочку и пошел на речку. Идет и поет:

Как солнце зайдет и опустится тьма,
Поймаю я в речке Самсона-сома,
Наемся я вволю сомятины сам,
Друзей угощу и соседям раздам!

Медведь Потап не был жадным, всегда с друзьями делился и в беде помогал.

Пришел он на речку, привязал к толстой жерди толстую леску, на леску навязал крючок, а на крючок прицепил лягушку, забросил в омут. Сидит и ждет, когда сом клюнет. Уже и белка Ленка, и заяц Коська, и дятел Димка спать давно легли, уже луна взошла и речку посеребрила, а сом Самсон все не клюет. У медведя Потапа тоже глаза слипаться стали, зевота одолевает: «О-о-а-ах-ум-мм!». Потом и вовсе задремал он, и сон ему приснился, как несет он сома домой и все удивляются: «Ай да медведь Потап, ай да рыбак!»

Сом же Самсон как раз и проснулся, когда медведь задремал. Плавники расправил, потянулся и стал омут осматривать. Глазки у него маленькие, как смородинки, но все в темноте видят. Нашел сом Самсон лягушку, отвязал ее с крючка и съел, а крючок за большую корягу на дне зацепил. «Ну,— думает,— погляжу я, медведь Потап, какой у тебя улов будет. Всему лесу на смех!»

Проснулся медведь Потап, когда солнце встало. Посмотрел — леска натянута. «Ага,— думает,— попался мне сом Самсон, сейчас я его на берег вытащу».

Потянул медведь удочку на себя, а она не поддается. Встал на задние лапы, поднатужился — опять не поддается. Тут белка Ленка прибежала, спрашивает:

— Что это ты, медведь Потап, делаешь?

— Да вот сома Самсона поймал, а он не вылезает, упирается.

Поскакала белка Ленка с ветки на ветку, всем рассказывать стала:

— Медведь Потап сома Самсона поймал, а вытащить не может.

Прибежали к речке и лосенок Филя, и заяц Коська, и еж Кирюха, и многие другие. И лиса Лариска пришла, смотрит и думает: «Эх, глуп сом Самсон, предупредила же я его, а он все-таки попался. Теперь медведь целую неделю будет сомятину есть. Надо бы ему помочь, может, и мне кусочек даст». Но самой ей браться за удочку не хочется: кто ее знает, вдруг сом сорвется, а ее крючком зацепит? Стала она лосенка Филю уговаривать:

— Что же это ты, лодырь какой, лосенок Филя, стоишь да глазами хлопаешь? Помог бы ты медведю Потапу-то!

Лосенок Филя добрый, пристроился он к удочке рожками, стали они вдвоем с медведем тащить. Раз дернули, два — сдвинулось с места, что-то черное на воде показалось.

— Поймал я сома Самсона,— обрадовался медведь.— Голову вижу!

— И я вижу! — закричал заяц Коська.

— И я! — процокала белка Ленка.

— А я ничего не вижу! — сказал еж Кирюха.— Я маленький, мне трава мешает.

Лосенок Филя в сторонку отошел, медведь удочку на плечо взял, один тащит.

Подтянул к берегу, глянул, а это черная коряга. Тут и сом Самсон выплыл, пузыри пустил, хвостом по воде стукнул, так что обрызгал всех, захохотал:

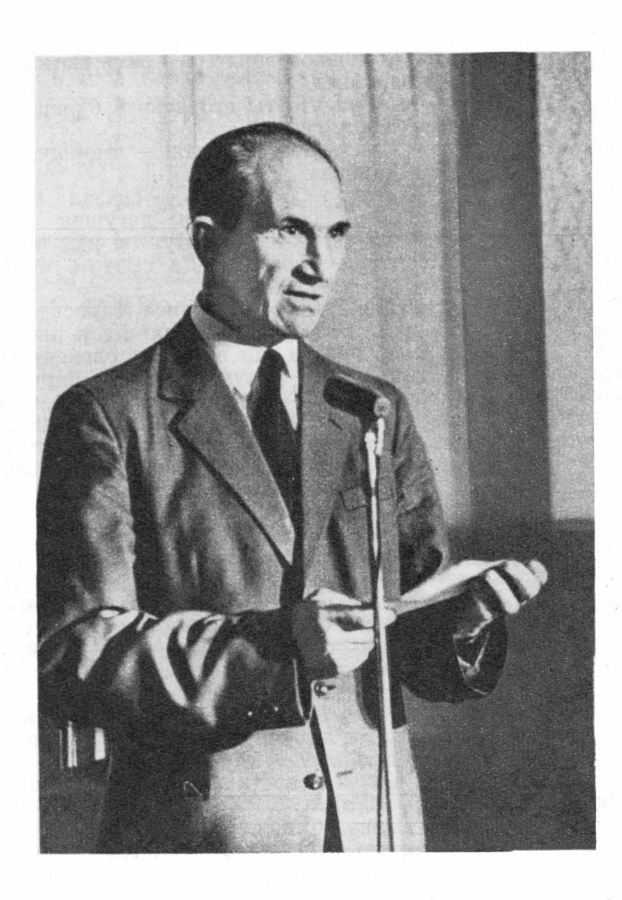
— Обманул я тебя, медведь Потап! И лягушку съел и сам цел. Ты меня каждый день приходи ловить, только лягушек пожирней выбирай. Я их страсть как люблю!

Засмеялись тут все звери, за бока взялись. Только лиса Лариска сразу в кусты шмыгнула, побоялась, что сом Самсон про ее донос расскажет.

И медведь Потап тоже засмеялся.

— Ладно, сом Самсон,— сказал он,— обманул ты меня на этот раз. Только смотри не зевай там, в своем омуте, а то и я тебя перехитрю!

И пошел малину есть.



Выступает товарищ Я. Гавелка.

Завершению конкурса «Огонька» «Путешествие в историю ЧССР» была посвящена дружеская встреча в посольстве ЧССР в Советском Союзе. Выступивший на этой встрече Чрезвычайный и Полномочный посол ЧССР в СССР член ЦК КПЧ товарищ Ян Гавелка отметил большое политико-воспитательное значение конкурса, на который поступило более двух тысяч работ. «Мы рассматриваем это,— сказал товарищ Я. Гавелка,— как яркое проявление советскими людьми глубоких чувств дружбы и братства по отношению к социалистической Чехословакии». С ответным словом выступил главный редактор журнала «Огонек» А. В. Софронов.

На дружеской встрече присутствовали победители конкурса.

ПОЛЯРНОЕ

Ванда БЕЛЕЦКАЯ,
специальный корреспондент «Огонька»

Наш рассказ об одной из самых значительных совместных работ ученых Советского Союза и Франции. Осуществление этих исследований граничит с фантастикой. В них принимают участие несколько научных организаций обеих стран, сотрудничающих через Совет «Интеркосмос» при Академии наук СССР и Национальный центр космических исследований Франции.

Только что блестяще закончился научный эксперимент под поэтичным названием «Зарница», знаменующий собой важный этап этих исследований.

Нервно стучит счетчик времени. Сорок секунд прошло после старта ракеты. Двигатель отработал до высоты 20 километров. На 80-й секунде ракета достигла высоты в 99 километров. Автоматически отстрелен кожух. На 90-й секунде... Да, на 90-й секунде произошло чудо! На черном ночном небе среди ярких, будто хрустальных звезд вдруг появилась мерцающая розоватая линия. Это было полярное сияние, созданное людьми! И не в научном институте, а в гигантской лаборатории Вселенной.

«Вижу, вижу!» — закричал наблюдатель Василий Ивченко и, забыв, что он вышел уже из студенческого возраста, запрыгал на месте. Он кричал еще что-то очень радостное, не отрывая взгляда от этой то возникающей, то пропадающей на ночном небе мерцающей линии.

«Вижу, вижу»,— беззвучно шептал сотрудник кафедры астрономии Киевского университета кандидат физико-математических наук Алексей Несмянович, следящий за приборами на пункте наблюдений. Перед ним на экране телевизора среди точек-звезд трепетал светлый луч. Чуткие объективные приборы безоговорочно утверждали: это оно, полярное сияние!

Радостная весть мгновенно достигла стартовой площадки, где еще недавно заведующий группой Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн АН СССР Владимир Докукин переживал страшные минуты волнения. Дело в том, что для удачи эксперимента требовалось так много условий, что, казалось, они никогда не сойдутся воедино. Необходимо было, чтобы ракета не отклонилась от заданной траектории, чтобы электронная «пушка» на ее борту, выпустившая в околоземное пространство поток заряженных частиц, сработала четко, чтобы аппаратура на наблюдательных пунктах зафиксировала это удивительное явление — дело ума и рук ученых и конструкторов. А еще было необходимо, чтобы сама природа пошла навстречу исследователям и устроила специально для них темную, безлунную ночь и абсолютно чистое небо. Вот таких, сошедшихся воедино условий ученые ждали много месяцев. Но и в эту ночь с 29-го на 30-е число не обошлось без волнений.

22 часа 10 минут по московскому времени. Объявлена получасовая готовность. Казалось, все идет как надо. Ночь темная, безветренная, ясная.

— Какие прогнозы на чистое небо? — в последний раз запрашивает Докукин пункты наблюдений. Со всех, кроме одного, приходит ответ: «Приближается облачность, торопитесь». Лишь один пункт, где работают специалисты Киевского университета, просит задержать старт на 20 минут. Через 20 минут после установленного часа у них будет «чистое небо».

Что делать? Конечно, лучше, чтобы за сиянием следило несколько пунктов, а не один. Но, с другой стороны, Докукин знал, что качество телевизионной установки киевлян выше, чем на других пунктах. И он рискнул...

Несколько позднее заместитель директора ИЗМИРАНа И. А. Жулин отправил телеграмму в Тулузу, в Центр по исследованию космических излучений, доктору Франсису Камбу. В телеграмме говорилось об удаче эксперимента. Интерес французских ученых к опыту «Зарница» понятен. Это важный этап советско-французских научных исследований по управляемым экспериментам в околоземном пространстве.

СИЯНИЕ ПО ЗАКАЗУ

Академик Р. З. Сагдеев и доктор Франсис Камбу по дороге на одну из станций наблюдения ИЗМИРАНа.

А теперь вернемся из солнечного лета семьдесят третьего года в морозный, снежный февраль семьдесят первого, когда, по существу, начал готовиться этот эксперимент.

Мы шли с доктором Камбу по вечерним морозным улицам села Ваймуша, где находится одна из станций наблюдения ИЗМИРАНа. Встречные здоровались, приветливо улыбались высокому черноволосому французу, элегантному, несмотря на неуклюжие унты и полярную куртку на пуху. Это была не просто вежливая привычка северян: тулузский гость приезжал сюда не впервые.

Доктор Франсис Камбу, руководитель французской части эксперимента,— известный специалист в области исследований космических излучений, автор более пятидесяти научных работ. Возглавляемому им Центру при Тулузском университете принадлежит огромная доля совместных советско-французских работ. Но профессора Камбу с Советским Союзом связывают не только космические лучи, магнитные бури и полярные сияния.

— Я вспоминаю, как началась наша совместная работа,— говорил Франсис Камбу.— Как я и мой друг доктор Жулин защищали проект перед научными национальными и международными организациями. А теперь сотрудничество в исследовании околоземного пространства вписано в планы обеих стран и осуществляется в такой приятной дружеской атмосфере.

Тогда закончилось обсуждение научной информации, полученной во время запусков приборов на высотных аэростатах. Высотные аэростаты поднимались одновременно в Архангельской области и на принадлежащем Франции скалистом островке в другом полушарии земли, вблизи Антарктиды — Кергелене. Эти пункты как бы соединены одной силовой линией магнитного поля Земли.

В селе Ваймуша советские и французские ученые обсуждали данные, полученные во время этих аэростатных экспериментов, но в их разговорах нет-нет да и возникали слова «инжекция частиц», «ракета-носитель», «луч полярного сияния», имеющие отношение уже к новому проекту.

Первое интервью об этом проекте я получила от академика Р. З. Сагдеева, научного руководителя обширной программы управляемых экспериментов в околоземном космическом пространстве.

— Суть проекта в том,— просто и лаконично, как всегда, говорил Роальд Зиннурович,— что с острова Кергелен на французских ракетах-носителях «Эридан» будет поднят в преддверие космического пространства ускоритель — инжектор заряженных частиц. На границе ионосферы он выпустит мощный пучок электронов — и в это время на Кергелене и в Архангельской области должно вспыхнуть созданное учеными полярное сияние.

Зачем это надо? Эксперимент позволит проверить многие гипотезы о строении магнитосферы и поведении частиц в ней, механизмы образования полярных сияний, а в конечном итоге поставить вопрос об управляемом воздействии на околоземное пространство.

Роальд Зиннурович говорил деловым тоном, будто речь шла о чем-то вполне обычном («обыкновенное» искусственное полярное сияние, и только-то!).

Академик Сагдеев пришел в геофизику из физики плазмы.

Я помню, как на одном научном советско-французском семинаре французский ученый Рене Пелла, тоже физик-плазменщик, так говорил мне о своем коллеге академике Сагдееве:

— Роальд — это мой случай. Это нормально и закономерно, что плазменщики из своих лабораторий идут к исследованию космического пространства. Например, меня проект искусственного полярного сияния захватывает все больше, и я все настойчивее углубляюсь в геофизику. Что касается академика Сагдеева, то это ученый очень высокого класса, у него совершенно удивительная физическая интуиция. Я считаю его группу одной из сильнейших в мире.

То, что физик, изучающий плазму, перешел к исследованию космического пространства — гигантского плазменного полигона, вполне закономерно. И также никого не удивило, когда академик Сагдеев возглавил Институт космических исследований Академии наук СССР.

Но вернемся к эксперименту. АРАКС — так назвали ученые план по созданию искусственного полярного сияния. Точное и образное мышление ученых не подвело их и на этот раз. Название сложилось из начальных букв слов, в переводе с французского означающих «Искусственное Полярное Сияние Кергелен — Согра».

Трудности, которые стояли перед учеными, казалось, были непреодолимы. Лишь теперь, когда «Зарница» — один из этапов работ — закончилась таким блестящим успехом, можно сказать: самое тяжелое позади.

Начнем с основного «гвоздя» программы, в значительной степени обеспечившего успех эксперимента,— ускорителя электронов, созданного в украинском академическом Институте электросварки имени Е. О. Патона с участием Института электродинамики АН УССР.

Когда мы произносим слово «ускоритель», в памяти возникают гигантские кольца Дубнинского и Серпуховского синхрофазотронов. Журналисты не раз писали, что по туннелю этих приборов спокойно пройдет транспорт. А тут необходимо было создать миниатюрный, компактный и легкий ускоритель, который можно на борту ракеты послать в открытый космос. А для этого надо было найти новые легкие надежные материалы, оригинальные конструкции. Прибор должен быть удивительно надежным: ведь при ракетном эксперименте ему пришлось вынести и перегрузки, и огромное ускорение, и жару, и холод.

«Космический ускоритель» включился на 90-й секунде полета. Импульсы шли длительностью в одну секунду. Энергия электронов в пучке, выпущенном в пространство,— 10 тысяч электрон-вольт. На 150-й секунде на высоте 151 километр от Земли инжектор перевели на другой режим работы. Энергия электронов — 7,6 тысячи электрон-вольт. Мощность всего пучка — 4 киловатта. На 200-й секунде полета ракета достигла максимума высоты — 163 километра.

Инжектор продолжал работать. В течение 232 секунд он выбрасывал в пространство мощные пучки электронов, вызывающие в природе явление, родственное полярному сиянию.

Безукоризненно работала система электронной защиты ускорителя. Под стать ускорителю оказались и другие бортовые приборы, в том числе детектор электронов, разработанный в Институте космических исследований АН СССР кандидатом физико-математических наук Георгием Манагадзе. Успех эксперимента был бы немыслим без сверхчувствительных телевизионных систем с электронно-оптическими усилителями изображения, с помощью которых группа А. Несмяновича зафиксировала на пленку лучи искусственного сияния.

Все научные учреждения, участвующие в проведении «Зарницы», показали самый высокий класс работы. Это Гидрометслужба СССР, Полярный геофизический институт, Ленинградский и Киевский университеты, Институт электросварки имени Е. О. Патона, ИЗМИРАН — головная организация, проводившая этот эксперимент.

Что же дало ученым осуществление «Зарницы»? Я расспрашиваю об этом руководителя эксперимента Игоря Алексеевича Жулина.

— Мы думали, что это будет просто технологический запуск, отрабатывающий аппаратуру для будущего советско-французского эксперимента на острове Кергелен,— говорит Игорь Алексеевич.— Но в результате осуществления «Зарницы» получены ценные научные результаты. Это прежде всего свыше 300 фотографий искусственного полярного сияния. Такого еще не было в науке. Удалось выяснить особенности прохождения электронного пучка, тонкую структуру лучевых форм сияния, вызванного пучком...

Более подробно о научных результатах «Зарницы» говорить еще рано,— продолжал Игорь Алексеевич.— Об этом мы напишем научные статьи, в число авторов которых войдет и ваш знакомый доктор Франсис Камбу. Ведь «Зарница» — еще один шаг в наших совместных экспериментах в области космической физики.

Я слушаю Жулина и думаю о том, какой важный этап уже пройден. До сих пор в экспериментальной космической физике при исследовании процессов и явлений в околоземном космическом пространстве, как правило, использовались, да и сейчас используются, пассивные методы. Ученые наблюдают и регистрируют те или иные явления, а потом на их основании строят физические теории, объясняющие наблюдаемые эффекты. Они как бы смотрят кино, но в выборе картин не вольны. Теперь возможен качественно новый, активный метод наблюдений. Настало время, когда ученые-космофизики могут сами создавать исходные условия, а значит, и ожидать определенных результатов.

Вот как оценивает эксперимент «Зарница» академик Р. З. Сагдеев:

— Эксперимент показал, что киевские ученые могут создать для АРАКСа надежную, компактную, недорогую аппаратуру, способную вызывать заметные геофизические эффекты, вполне доступные для измерений. Результаты эксперимента представляют собой и несомненную научную ценность, позволяя лучше понять некоторые вопросы вторжения энергичных электронов в верхнюю атмосферу.

...Один этап пройден, но впереди еще много работы. Я читаю лаконичные строки плана будущего грандиозного советско-французского эксперимента и представляю, как в начале 1974 года во Францию отправятся образцы научных приборов, разработанных советскими исследователями, и основной «герой» — ускоритель электронов, выполненный киевскими специалистами.

Ранней осенью 1974 года из Тулузы на Кергелен уйдет бесценный научный груз...

Зима 1974/75 года.

Каменистая стартовая площадка Кергелена. Наладка приборов. Вполне понятные волнения ученых перед запуском ракеты. И еще большие волнения за своих коллег в другом полушарии Земли, на станциях Архангельской области, где ученым предстоит наблюдать рукотворное полярное сияние.

Думаю, что все будет именно так. Залог этого — крепнущие научные связи ученых Советского Союза и Франции.

СТРАДА — ВСЕМУ ВЕНЕЦ!

А. ЩЕРБАКОВ

Это лето в средней России не в пример прошлогоднему бережет хлеба. Тянет их к солнцу, поит теплыми дождями, не подпускает к ним ни жгучих, ни студеных ветров. И хлеба, заботливо взращенные человеческим умом и усердием, обещают обернуться большим, редким в здешних краях богатством. «Виды и на озимые и на яровые отличные! Центнеров по тридцать, а то и больше на гектаре растет,— определяют специалисты в Малоярославецком районе.— Только бы убрать все до зерна, все сохранить».

До зерна! Даже если бы в области не было подобного призыва (а он прозвучал — во всех хозяйствах обсуждается сейчас обращение сухиничских механизаторов), земледельцы сделали бы максимум для того, чтобы жатва третьего года пятилетки прошла быстро, организованно и без убытков. Так настроены они сегодня, так мобилизованы.

...Комбайн Владимира Малыгина из колхоза имени Кутузова восьмой сезон в строю. Восьмой! Можно бы и списать «старика», только нужно ли, если усилиями колхозных механизаторов машина поддерживается в удовлетворительном состоянии и вполне еще может служить?!

Сам Малыгин в колхозе имени Кутузова первый год, комбайн за ним недавно совсем закрепили. И вот, когда обсуждали планы косовицы, Владимир обратился к бригадиру автотракторного парка Василию Егоровичу Бельчикову:

— Слышал, будто собираетесь мой комбайн на подхвате использовать, а основную уборку поручить тем, кто на более новых машинах... Верно?

Бельчиков усмехнулся:

— Успокойся. Кто-то тебя подзадорить решил. Где комбайну экзамен держать, от тебя зависит. Докажи, что можешь со всеми наравне убирать, со всеми наравне и доверим...

— Тогда другой разговор!

И Владимир — в какой уж раз!— проверяет свой «СК», чтоб в предстоящем жарком соперничестве не уступить ни Василию Попову, ни Николаю Герасимову, ни даже Сергею Матвееву, который считается в колхозе комбайнером № 1.

В сельхозартели уж несколько лет, как завели порядок: завершилась жатва, поставили комбайны на прикол, и сразу ремонтировать, чтоб потом не торопиться, не чинить на скорую руку. Традиция опирается на солидную базу — есть своя кузница, токарный и два сверлильных станка, две свои сварки — и электро- и газовая. Так что в основном ремонт идет под своей крышей.

К июлю все комбайны, считай, на линейке готовности. В одном шнек осталось реставрировать да мотовило доделать. На ходу и жатки. Так что за эту технику в колхозе спокойны.

За другую — тоже. Проверен зерносушительный комплекс «КЗС-10 ш». Механик Фрол Иванович Петухов доложил: сушилку «прокрутили», «прозвонили» электрическую систему. Комплекс не подведет, тем более с такими специалистами, как Софрон Гуров и Николай Лобанов.

В уборочную страду в колхозе нет тылов — всюду фронт! И поэтому всему уделено равное внимание, все отлажено с величайшей тщательностью. Оборудуются самосвалы для возки зерна от комбайнов; если понадобится подмога, сразу включатся в дело тракторные прицепы. В прошлом году колхоз приобрел агрегат технического ухода и передвижной заправщик. Техника новая, но на всякий случай устроили испытание и ей: чем прочнее гарантия, тем больше уверенности в успехе — так привыкли считать в артели. И от этого принципа никогда не отступают.

Хоть сегодня можно распахнуть ворота зерносклада. Тут припасено все вплоть до мелочей (хотя мелочи в страду — понятие весьма относительное и скорее всего в таком хозяйстве, как колхоз имени Кутузова, не существующее)— лопаты, метлы, фонари. Председатель сельхозартели Владимир Филимонович Харчук в разговоре о предстоящей жатве намеренно подчеркивает еще одну существенную сторону нынешних предуборочных забот.

— Условия для людей имею в виду. Ведь от них, от людей, в конечном счете зависит все. Правление поэтому продумало, как получше обслужить тех, кто выйдет трудиться в поле. Дальних участков у нас нет. Тем не менее условились, что из колхозной столовой обеды будем доставлять прямо к агрегатам. Сельпо обещает автолавку. А в промежутках между ее рейсами шоферы самосвалов, отвозящие зерно, возьмут на себя обязанности коробейников — заедут по просьбам комбайнеров в магазин и за сигаретами, за спичками, и за мылом... Само собой разумеется, не оставим народ без газет. Агитаторы сразу же включаются в ритм страды. А вместе с ними и редакции «боевых листков», политинформаторы... В минувшем году, неурожайном для наших мест, мы получили на круг по двадцать три центнера зерновых с гектара. В этом обязались взять минимум тридцать четыре. Да! А чтоб такое осилить, надо крепко поработать. Пока нет оснований сомневаться в успехе. Темп взят надежный.

Ударная жатва!.. Иначе ее не представляют себе и в других хозяйствах Малоярославецкого района. Первый секретарь райкома партии Иван Тихонович Фролкин говорит об этом как о части зерновой стратегии района.

— Урожай — всему венец, о нем думаешь круглый год. Важно, что у нас во всем ставка на самое прогрессивное, идет ли речь об организации труда, о внедрении ли научных достижений, о полевом сервисе... Поля закреплены за зерновыми звеньями, которые полностью отвечают и за выращивание урожая и за его уборку. В этом крестьянское начало, оно решает судьбу хлеба. Повысилась ответственность, повысилась заинтересованность, повысилась отдача. Не сходит с повестки дня вопрос механизаторских кадров. Посылаем ребят в соседний район в профтехучилище, открыли у себя два его филиала. В нынешнем году мощное пополнение — сто шестьдесят пять человек, да около сорока повысили квалификацию... Недавно провели смотр полей. Убедились: полезно. Люди дорожат честью своего поля. Строги и требовательны к другим. И в то же время охотно помогают соперникам в соревновании. Не сомневаюсь, что и на жатве дух соревнования будет по-настоящему творческим! Он поможет образцово провести важнейшую кампанию сельскохозяйственного года.

...Прекрасные хлеба поднимаются на калужской земле. А вместе с ними крепнет и не меньше радует вера в людей, которые помогли земле уродить и теперь готовы принять от нее главное земное богатство. Принять умело, бережно и вовремя.

Калужская область.

Сфера услуг: проблемы и решения

К. БАРЫКИН,
И. ТУНКЕЛЬ

Сапожное дело поговорками не обойдено. «Сапожник без сапог», «холодный сапожник», «на ходу подметки рвет» — полнее характеристик вроде бы не придумаешь. Но теперь, может, войдет в обиход еще одна: «На ходу подметки чинит». Если эта поговорка привьется, то истоки ее следует, пожалуй, искать в столичной сапожной, что на улице Уральской, 11. Это не просто мастерская, скорее экспресс-ателье.

Небольшое отступление: на международной выставке «Обувь» в венгерской экспозиции работала маленькая починочная. За верстачком два мастера утихомиривали своенравные каблуки, приводили в порядок стесанные подошвы.

— Мы холодные (так у вас говорят?) сапожники, — смеялся один из мастеров.

Трудились «холодные сапожники» красиво. Около них всегда толпились посетители — любовались работой.

...Вот они-то и вспомнились, когда мы приехали на Уральскую улицу, в обычную московскую сапожную мастерскую № 356. Светлый, перегороженный стойкой-барьером холл, цветничок, чеканка на стене. Стулья-вертушки для клиентов. В стойке — окошки: можно, не вставая, видеть, как ловко делает свое дело сапожник, приводя в порядок ботинок, только что казавшийся совсем безнадежным. Интересно, сколько уйдет времени на ремонт?

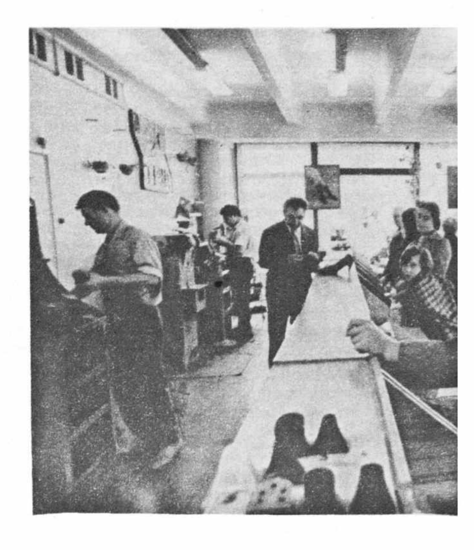
— За час управитесь?

— О таких сроках мы стали забывать,— отвечает заведующий мастерской Армаис Сергеевич Саркисов.— Обычный ремонт — от десяти до двадцати минут. Подметки — двадцать.

— А набойки?

— Набоек теперь нет. Есть наклейки — полимерный клей «крокус» или «найрит» надежнее гвоздя.

Ну, понятно, бывают сложные случаи — заказ принимают на



САПОЖН

день-два, а то и на неделю. Скажем, захотелось полностью обновить туфли, заменить изрядно стершуюся подошву на новую, каучуковую. Перетяжку за десять минут не сделаешь, за час тоже.

Да, говорят: на ходу подметки рвет... Не ахти какая сложность. А вот на ходу, за минуты, подметку прикрепить, отремонтировать — это не всякому с руки. Сапожное мастерство давно перешагнуло грани простого ремесла, стало делом, требующим не только сноровки и умения, но и вкуса. Именно вкуса — как иначе совладать с ботинком, в общем-то еще крепким, неплохим вроде ботинком, но, как говорят в этой мастерской, «морально устаревшим», вышедшим в тираж по прихоти моды, отказавшейся от острого, удлиненного носка в угоду просторному, тупому, казавшемуся когда-то таким непривычным. Туфли вошли в противоречие с модой. «Отменить» острый нос гораздо легче, чем переделать его... Здесь берутся, переделывают...

Такой ремонт доверишь не всякому. Перетяжка — это ведь не только ремесло, это немного и моделирование.

Весь личный состав мастерской — восемь человек. Валентина Ивановна Конькова — приемщица, иногда веселая, иногда ворчливая, но все равно внимательная. Остальные — мастера. Опытные. И молодежь. Это не просто мастерская, но в какой-то мере и школа...

Многие мастера работают в зале — у клиентов на виду. И это повышает их ответственность. А вот Сергей Иванович Данилов работает не здесь, не за стойкой, а по старинке, где-то в чреве мастерской, со старым инструментом: молоток, нож, шило, рашпиль, дратва. Молодые обо всем этом понятия не имеют. Станки наподобие токарного и фрезерного; механический пресс, полимерные клеи — вот их теперешние орудия. Сам Саркисов давно по обувному делу, с детства. Было время, увлекся музыкой, играл в джазе, но потом снова потянуло к сапожному ремеслу. Оно-то и стало призванием...

Не сегодня подмечено, что подлинное мастерство, высокое ремесло всегда сродни искусству. Свидетельствует о том и Карел Чапек: «Каждый день ходил я к соседу-сапожнику и молча наблюдал, как он кроит и прибивает на колодку кожу, как крепит ее к подметкам и бог весть что еще вытворяет с нею; искусство это сложное, тонкое, и тот, кто не видел кожи в руках сапожника, не имеет о ней ни малейшего понятия...»

Привели мы это замечание Чапека вот еще в связи с чем. В Праге одному из нас пришлось как-то ремонтировать туфли. Зашел в мастерскую и даже немного растерялся: в углу высилась барная стойка. И пока прибивали некстати отлетевшую набойку, успел чашечку кофе выпить да и просмотреть «Известия» — в мастерской выписывают не только пражские газеты. Рассказывают, что теперь сапожные мастерские Праги стали еще привлекательнее. В одной из них, «У Матушка», не только отменно ремонтируют обувь, но и угощают (за особую плату, понятно) кофе. Здесь, пока выполняется заказ, можно посмотреть по телевизору футбольный матч или какую иную передачу...

Все это хорошо бы завести и в такой мастерской, как та, что на Уральской. Может, к этому дело идет? Мастерская приобрела магнитофон, подбирает музыку — приятную заказчику и соответствующую ритму труда. Но кто осудил бы заведующего, будь в углу просторного холла мастерской электрический самовар?

— Мы пытались поставить кофеварку,— несколько смутясь, говорит Саркисов. И замолкает.

Уже потом, окольными путями, узнаем, что приезжало какое-то общепитовское начальство. И первым делом грозный вопрос: «У вас что, мастерская или кафе?» Ну зачем же так решительно противопоставлять чашку кофе ремонтной мастерской? Важно, чтобы клиенту было приятно и удобно, пока он ждет.

Заведующий мастерской, человек, не лишенный вкуса, вычеканил несколько панно на сапожную тему. Кто-то выложил в холле цветничок в форме туфельки. Все это самодеятельность. Отрадно, что она встречает поддержку и у дирекции фабрики, в которую входит мастерская, и в Управлении бытового и коммунального обслуживания Мосгорисполкома. Но поддержка эта могла бы быть и более активной. Почему бы не прислать в мастерскую архитекторов, художников? И «пробить» разрешение на чайный уголок и выписать для клиентов газеты, журналы.

Словом, стоило бы поддержать первые хорошие шаги, что уже сделаны в мастерской. Пусть они станут гласными, пусть о них узнают и в других мастерских, пусть немного и позавидуют.

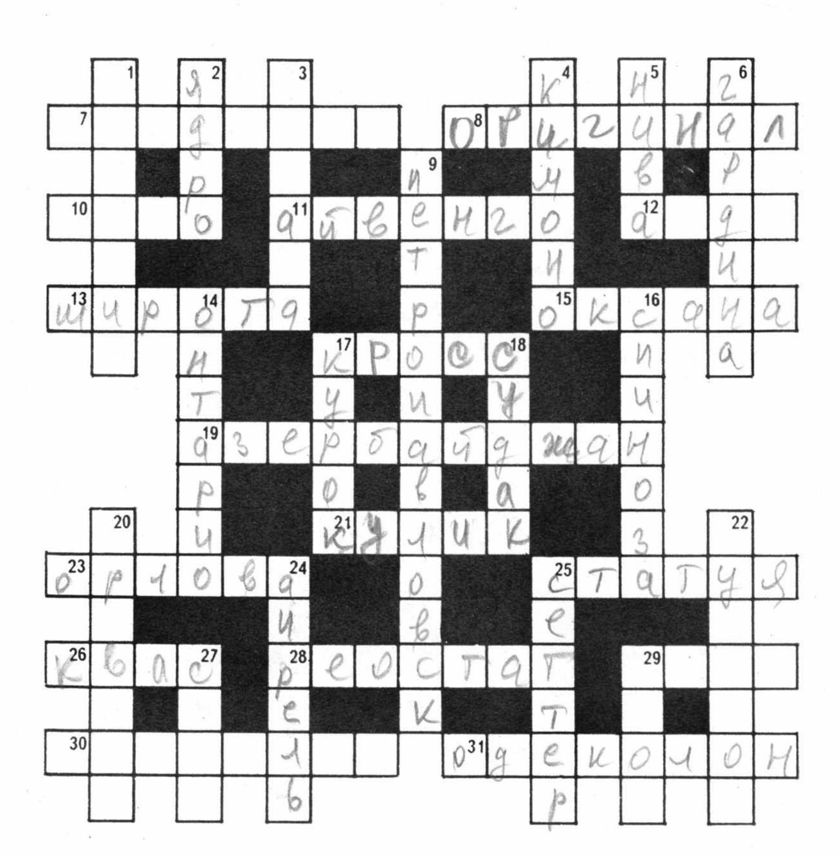
Написали мы этот репортаж и зашли к Борису Евдокимовичу Самаренко, начальнику Управления бытового и коммунального обслуживания Мосгорисполкома.

— Много экспресс-мастерских в Москве?

— Пока мало. Но до 1975 года их будет двести пять — половина столичных сапожных мастерских.

Цифра эта в общем-то ощутима даже для такого большого города, как Москва. Но не об этом нам хотелось бы сказать. Пока управление проявляет к мастерской на Уральской улице интерес скорее теоретический, чем практический. Отмечают: неплохая мастерская. Но надо бы смелее поддержать то доброе, что здесь есть, поширее и пообстоятельнее внедрять его в других мастерских. Надо бы проанализировать работу и отсечь то, что мешает,— а такое есть! — более успешной работе рядовой в общем-то мастерской. Во всяком случае, такие мастерские должны стать обычными, рядовыми.

ЫХ ДЕЛ МАСТЕРА



КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Повесть А. С. Пушкина. 8. Подлинник. 10. Французский физик XIX века. 11. Роман В. Скотта. 12. Река в Италии. 13. Одна из географических координат. 15. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Черевички». 17. Состязания в беге. 19. Союзная республика. 21. Болотная птица. 23. Киноактриса, народная артистка СССР. 25. Скульптурное изображение. 26. Прохладительный напиток. 28. Аппарат для регулирования напряжения в электрической цепи. 29. Зодиакальное созвездие. 30. Химический элемент. 31. Парфюмерное изделие.

По вертикали: 1. Советский конструктор авиационных двигателей. 2. Старинный орудийный снаряд. 3. Народный поэт Дагестана. 4. Национальная японская одежда. 5. Засеянное поле, пашня. 6. Оконная занавеска. 9. Областной центр в Казахстане. 14. Озеро в США и Канаде. 16. Голландский философ XVII века. 17. Часть ударного механизма в огнестрельном оружии. 18. Рыба семейства окуневых. 20. Врач. 22. Картина И. И. Шишкина. 24. Месяц года. 25. Порода собак. 27. Спортивная лодка. 29. Басня И. А. Крылова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 27

По горизонтали: 4. Андромеда. 5. Паустовский. 10. Контур. 11. Ректор. 15. Торос. 16. Паланга. 18. Камея. 19. Сенокос. 20. Реферат. 21. Колье. 22. Лукашка. 25. Осень. 28. Мичман. 29. Италия. 31. Прокопьевск. 32. Крутицкий.

По вертикали: 1. Шаранта. 2. Фобос. 3. «Калинка». 6. Саржа. 7. Струг. 8. Колокольчик. 9. Лобачевский. 12. Поленов. 13. Магадан. 14. Пекарня. 16. Посол. 17. Аорта. 23. «Узник». 24. Клише. 26. Америка 27. Бассейн. 30. Шприц.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Президент Франции Ж. Помпиду.
Телефото специальных корреспондентов ТАСС В. Мусаэльяна и В. Егорова.
НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Плакат М. Абрамова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Е. ПУЗАНОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

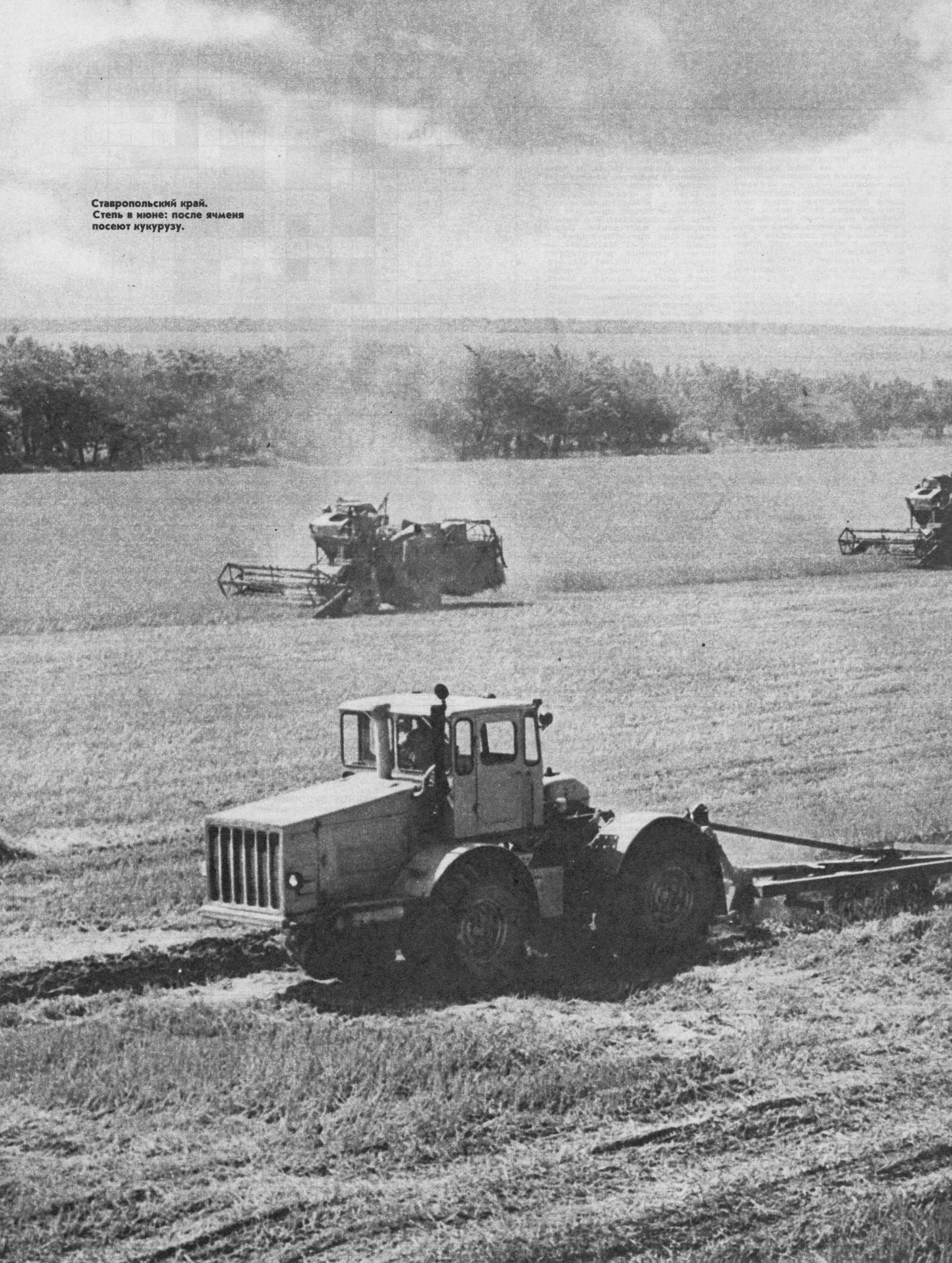
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 18/VI-73 г. А 00751 Подп. к печ. 3/VII-73 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1642. Тираж 2 150 000 экз. Заказ № 731.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.



Ставропольский край.
Степь в июне: после ячменя посеют кукурузу.

ПРОГРАММА МИРА, ПРОВОЗГЛАШЕННАЯ XXIV СЪЕЗДОМ КПСС

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663